

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К. Л. ХЕТАГУРОВА

Б. П. БЕРОЗОВ

**Земельный вопрос
и аграрное движение
на Северном Кавказе
в дореформенный
период**

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1978

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. К. Л. ХЕТАГУРОВА

Б. П. БЕРОЗОВ

**ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС
И АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ДОРЕФОРМЕННЫЙ
ПЕРИОД**

(На материалах Северной Осетии)

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Редколлегия: докт. ист. наук профессор М. С. Тогоев (отв. редактор), канд. эконом. наук доцент В. С. Дзарасов.

Работа посвящена изучению состояния и форм землевладения и землепользования в Северной Осетии в дореформенный период. В ней впервые дан подробный анализ деятельности многочисленных правительственных сословно-поземельных комитетов и комиссий, работавших в 40—50-х годах XIX века во Владикавказе. Большое место в исследовании отводится крестьянскому движению, раскрытию его причин и состояния накануне крестьянской реформы. Работа выполнена исключительно на архивном материале.

Учебное пособие рассчитано на преподавателей и студентов исторического факультета университета, учителей истории средних школ, а также на читателей, интересующихся историей родного края.

РЕЗКОЕ ОБОСТРЕНИЕ СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОСЕТИИ

40 — 50-х ГГ.

§ 1. Объективно-прогрессивные последствия заселения предгорной равнины осетинскими селениями и казачьими станицами.

К середине XIX в. в Северной Осетии произошли заметные демографические изменения. Произошло переселение значительной части осетинского населения с гор на равнину. Осетия разделилась на горную и плоскостную. Получение возможности пользоваться плодородными землями Владикавказской низменности было для ее населения событием поистине историческим. Оно имело важные социально-экономические, политические и культурные последствия.

Одним из ближайших последствий переселения осетин с гор на плоскость было то, что оно дало толчок экономическому развитию края. Это улучшило хозяйственно-экономический быт как осевших на плоскости, так и оставшихся еще в нагорном районе жителей Осетии. С переходом на равнину произошло и перемещение сюда основной хозяйственной базы осетин горного района, которая на плоскости значительно расширилась, претерпела заметные качественные и количественные изменения и во многом определила перспективу исторического развития осетинского народа.

Расширение и улучшение хозяйственно-экономической базы осетинского населения избавило его от хронического сокращения. Как известно, суровая горная природа и малоземелье были уделом горцев. «Удивительную неустроенность поземельного быта в горной Осетии», «умопомрачительную крайнюю бедность» и «потрясающее нищенство ее обитателей» отмечали в один голос посещавшие ее путешественники еще в начале XIX в. «Осетинцы — самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе»¹, — отмечал великий поэт А. С. Пушкин. Систематические голодовки, эпидемические болезни превращали горную Осетию в край «черной смерти» и «мертвых городов».

¹ Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб, 1869, с. 102.

Если численность ее жителей в средние века исчислялась «сотнями тысяч душ»², то к 1783 г. ее население составляло 35 750 человек, к 1800 г.— 25 000 человек, к 1826 г.— 20 200 человек³, то есть за 70—100 лет ее население сократилось почти в пять раз. Другая картина наблюдалась после переселения на плоскость. Кривая роста численности населения Северной Осетии пошла вверх. В 1883 г. осетин уже насчитывалось 35 000 человек, в 1860 г.—66 000 человек, в 1880 г.—111 000 человек и в 1900г.— 160 000 человек, то есть за 70—80 лет население увеличилось более чем в 8 раз⁴.

Являясь прямым следствием присоединения Северной Осетии к России, процесс переселения на плоскость для осетин был спасительным актом. Плоскостная земля значительно расширила их хозяйственные возможности. Хотя жизнь первых поселенцев на равнине и была беспокойной и опасной, тем не менее они мало обращали на это внимания. Террору князей и феодалов, нападениям их вооруженных отрядов на крестьянские поселения горцы противопоставляли коллективную защиту и взаимовыручку на новых местах. По свидетельству известного исследователя З. Н. Сосиева, жизнь первых переселенцев складывалась вначале под влиянием таких факторов, которые не давали возможности экономически развиваться: «Вечно тревожное положение населения, подвергавшегося набегам кабардинских и других князей, уничтожавших посеы и загоны, забравших имущество и детей... Отлучки из аулов далеко в поле на работы были не безопасны; выходя на работы, несколько семейств соединялось вместе и, на случай нападения, мужчины работали, вооруженные огнестрельным оружием»⁵.

Считая равнинную землю исключительно своей собственностью, кабардинские, кумыкские феодалы рассматривали поселение осетинских аулов на территории Владикавказской равнины не иначе как посягательство на их земельную собственность. Таких поселенцев они считали своими подданными и ежегодно облагали феодальными повинностями, или требовали от них при поселении денежное вознаграждение. Известно, например, что крупные кабардинские землевладельцы Мударовы, Бековичи-Черкасские, Ахловы, Анзоровы до конца 30-х годов XIX в. взымали с жителей плоскостных осетинских и ингушских аулов на правом берегу Терека поземельные повинности. Лишь широкие антифеодальные волнения, прокатившиеся во всех девяти аулах в конце

² Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1934, т. 1, с. 156.

³ Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964, с. 13.

⁴ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 39.

⁵ Соснев З. Станица Черноярская. — «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, с. 65.

первой трети XIX в., принудили феодалов отказаться от этих повинностей. К тому же русская администрация в этом вопросе отказалась поддержать землевладельцев. «Осетины поселены на плоскости по воле е.и.в. и они не должны вносить повинностей кабардинским владельцам за землю»⁶, — таково было категоричное разъяснение наместника Кавказа барона Розена.

А вот Тасултановы, после того, как получили с самого начала решительный отказ со стороны жителей крупного осетинского селения Ельхотово вносить в пользу феодалов поземельные повинности, потребовали от них денежной компенсации за «уступленную осетинам землю». В 1839 г. землевладельцы Тасултановы получили около 35 тысяч руб. — 1 руб. 50 коп. за десятину⁷. Часть этой суммы Тасултановым заплатила казна.

С аналогичными мытарствами была связана жизнь на равнинной земле и для жителей других осетинских плоскостных селений, расположившихся в отдалении от русских военных укреплений. Жители горного аула Ниж. Карца в количестве 16 дворов переселились еще в 1810 г. в предгорье, в местечко «Суадаг». Но переселенцам не долго пришлось наслаждаться богатой местностью. По свидетельству современников, их мирную жизнь часто нарушали своими набегами вооруженные отряды кабардинских, ингушских и тагаурских феодалов, из-за чего суадагцы принуждены были возвратиться обратно в Ниж. Карца⁸. Через год с лишним их поселение было полностью сожжено. Но в 1825 г. они снова переселились в урочище «Суадаг» (на этот раз горцев было более 100 дворов), дав накануне, как сообщает источник, клятву друг другу, что на новом месте будут жить дружно и защищать себя коллективно. «Вторые переселенцы водворились в Суадаге между двумя оврагами, а с других двух сторон выкопали большие рвы, устроив в них ворота, к которым были приставлены стражники»⁹. И суадагцы «полевые работы как весенние, так и осенние выполняли не иначе как ... при вооруженных верховых для защиты рабочих от внешних нападений»¹⁰.

По свидетельству самих первых жителей аула Кардиусар, отстаивая свое право жить на плоскости, защищая свои поля, скот, свое хозяйство, они потеряли за 15 лет 56 человек убитыми, до 3 тысяч скота, более 6 тысяч стогов сена¹¹. Жители Владикавказского аула (Ирыкау), основанного в 1803 г., хотя и жили в двух шагах от крепости, 12 орудий которой все время грозно

⁶ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 15, д. 609, л. 19.

⁷ ЦГВИА, ф. 12454, д. 72.

⁸ «Владикавказские епархиальные ведомости», 1900, № 18, с. 316.

⁹ «Владикавказские епархиальные ведомости», 1900, № 18, с. 318.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА СОАССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 114.

охраняли покой ее обитателей, также подвергались опасности. Документ свидетельствует, что до 1820 г. из них «разновремен-но было убито 36 душ, ранено 73, в плен взято 64 души, угнано лошадей 120, быков 600, овец 3 тысячи, сожжено 22 тысячи скирдов зерна и сена 15 тысяч возов»¹². В трудных условиях создавали свою жизнь на новом месте и жители аулов Заман-кул, Батакаюрт, Карджин и др.

Однако с годами жизнь поселенцев на плоскости входила в нормальное русло. Она становилась обеспеченнее во всех отношениях. Площади земли, занятые первыми поселенцами, составляющие непахотную новину, громадные пространства выпасов и степных сенокосов, богатых сочными травами, были пригодны к занятию всеми видами земледелия и скотоводства. И осетины, живущие на плоскости, в полной мере воспользовались этим. «Они хорошо обрабатывают поля. Их урожай обычно так обилен, что они могут продавать большую часть своего хлеба как излишки,— писал путешественник о первых жителях плоскостной Осетии.— У них имеются большие стада, по сравнению с горцами они зажиточны, в чем им помогли плодородная почва и хорошее месторасположение»¹³.

Владикавказская равнина действительно имела исключительно благоприятные почвенно-климатические условия: умеренный и здоровый климат, масса родников и рек, плодородный почвенный покров. Атмосферных осадков выпадало достаточно. Богатые альпийские луга, равнины с богатыми сочными травами, по образному выражению путешественника Штедера, напоминали «ландшафт богатой Швейцарии».

На первых порах поселенцев никто не ограничивал в земле, поэтому они обрабатывали ее столько, на сколько хватало сил и средств. Сообразуясь с условиями своей жизни, они обзавелись лучшим хозяйством, устроили прекрасные сады, развели пчел. «Почувствовав себя на просторе, земля которого веками не знала плуга,— писал известный экономист XIX в. А. Г. Ардасенов,— осетины тотчас же воспользовались теми выгодами, которые могли извлечь из этой земли. Они, прежде всего, переменили свою соху — «дзвыыр» «на тяжелый передковый плуг, напоминающий малороссийский»¹⁴.

Какой в этот период был хозяйственный уровень заселившейся плоскостной Осетии? К сожалению, документы первой половины XIX в. чрезвычайно бедны сведениями подобного содержания. В них почти нет цифрового материала и поэтому нет

¹² Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 3, л. 22 об.

¹³ Осетины глазами русских и иностранных путешественников, Орджоникидзе, 1965, с. 50.

¹⁴ В.-Н.-Л., (Ардасенов А. Г.). Переходное состояние горцев Северного Кавказа, Тифлис, 1896, с. 8.

никакой возможности дать полный ответ на этот вопрос. Статистические органы, обязанные следить за ходом развития хозяйства, были учреждены лишь в 1872 г., так что нам неизвестна даже величина посевной площади здесь до середины XIX в.

Также ни к чему не привели наши поиски с целью обнаружить архивный материал, содержащий сведения о количестве собираемого ежегодно хлеба, об урожайности различных зерновых и технических культур с одной десятины и т. д.

Тем не менее несомненно, что земледелие на плоскости в этот период, сравнительно с нагорной полосой Осетии, сделало значительные шаги. Оно здесь не нуждалось в той изнурительно тяжелой и тщательной обработке и уходе за пашней, в которых только и было спасение горца. Плоскостная пашня не требовала навоза для своего удобрения и ирригационных сооружений для орошения, а следовательно, обходилась без больших затрат. Хлебороб вел свое хозяйство на богатых целинных землях и они сторицей оплачивали его труд.

Таким образом, переселившееся с гор осетинское население оказалось сравнительно в более благоприятных условиях для развития своего земледельческого хозяйства. Из зерновых культур осетины-переселенцы сеяли пшеницу, просо, ячмень, рожь, а с 30-х годов стали сеять кукурузу, считавшуюся до этого огородной культурой¹⁵. Разумеется, эти культуры осетины разводили и в горах, но на гораздо меньших площадях. Сравнительно с горной полосой урожайность их значительно возросла. Были выведены новые, более урожайные, сорта пшеницы, проса, ячменя. Так, урожай пшеницы на плоскости составлял сам 40—50, ячменя — сам 25—30, проса — сам 30. В основном собранный урожай шел на питание и частично на корм скота, лошадей и в особенности домашней птицы. До начала 30-х годов XIX в. торговля хлебом у жителей равнинных сел Осетии находилась в состоянии меновой торговли; прежде всего с жителями нагорной полосы¹⁶. В последующие десятилетия товарность земледелия в Осетии медленно, но неуклонно возрастала.

Совершенствовались также формы и методы ведения земледельческого хозяйства. Господствующей на плоскости стала залежная система обработки земли. Находившаяся во владении сельского общества земля делилась на несколько участков, каждый из которых эксплуатировался в очередном порядке. Пока один участок использовался под пашню, на другом пасли скот, на третьем косили сено и т. д. Затем пахотный участок становился выгоном, выпас — сенокосом, третий распахивался¹⁷.

¹⁵ Магометов А. Х. Указ. соч., с. 72—73.

¹⁶ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК), т. 10, с. 681.

¹⁷ Соснев З. Н. Указ. соч., с. 68.

Географические условия на равнине определили и соответствующие им улучшенные типы земледельческих орудий. Характерной особенностью их было то, что значительно повысилась их производительность. Как уже отмечалось, вместо легкой горной сохи («дзвывр»), которой непроизводительно было пахать степные тяжелые почвы, на плоскости стали применять тяжелый деревянный плуг («гутон»). Впрягали в него от 4 до 6 пар волов. Такой плуг пахал на глубину 5—7 вершков и вспахивал в день по 0,5—1 десятины¹⁸. Позже, с начала пореформенного периода, деревянные плуги стали вытесняться легкими железными плугами. Улучшился и другой земледельческий инвентарь — бороны, косы, серпы, тяпки.

Развитие земледельческого хозяйства предполагало и более успешное развитие другого вида хозяйственной деятельности осетин — овцеводство. «Если абсолютное большинство жителей плоскости, — писал исследователь, — поселились здесь, имея всего одну-двух-трех овец, в лучшем случае заошенного бычка, корову, то в скором будущем редко какой плоскостной житель не займет десяток-два овец, а то и больше, пару коров, быков и лошадей»¹⁹. «В первое время переселения осетии на плоскость, — указывал А. Г. Ардасенов, — скотоводство и овцеводство процветали. Народ понимал ясно выгоду и легкость занятия этим делом в новых условиях»²⁰.

В начале XIX в. равнина представляла собою малозаселенную степь с богатой растительностью — девственные луга в своей северной половине и нетронутый лес в южной. Альпийские луга, богатые сочными травами, были созданы самой природой для широкого развития скотоводства и овцеводства. «Долина, — писал в 1781 г. Штедер, — могла бы приносить все продукты, которыми богата Швейцария, если бы только она подверглась правильной обработке. Зима здесь сносная, как и в соседних низменных местах, где в течение всей зимы могут пастись стада. Корма для больших стад было бы вполне достаточно, если бы отдаление от жилищ не было опасно вследствие грабежей»²¹.

С занятием плоскости как хозяйственной базы начинает меняться и характер скотоводческого хозяйства в сторону улучшения и повышения его продуктивности. Вначале состав стада на плоскости был тот же, что и в горах, — с малым процентом лошадей, молочного скота. Доминировало овцеводство. Однако население скоро поняло невыгодность такого направления животноводства. Овцеводство на плоскости начинает заметно сокращаться, напротив, крупный рогатый скот, лошади становят-

¹⁸ Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 77.

¹⁹ История города Дигоры (Макет). Орджоникидзе, 1972, с. 52.

²⁰ Ардасенов А. Г. Указ. соч., с. 9.

²¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 42.

ся все более и более нужными в хозяйстве и количество их возрастает. К тому же, прежняя мелкая горная корова заменяется более крупной мясной и молочной породой. Следует также отметить, что постепенное развитие земледелия и наличие в хозяйстве кормового зерна (кукурузы) заставляет отбросить прежние предрассудки, привитые магометанской религией и обратить особое внимание на свиноводство, как на особо доходную статью крестьянского бюджета.

О значительном развитии ското-овцеводческого хозяйства в равнинной Осетии в 20—50-е годы свидетельствуют документы. Просматривая картографический материал того времени, невольно обращаешь внимание на обилие кошов, или, как их тогда называли, кутанов. Как правило, в округе каждого плоскостного селения их значилось от 5 до 10²². По словам чиновников сама околица осетинского селения в те времена свидетельствовала, что животноводству в хозяйстве здешних жителей придается большое значение. «Недалеко от сел,— писал современник,— тянулись гумна со скирдами, соломой, мякиной, сеном на зиму для крупного рогатого скота и базы, где поздней осенью и зимою содержался крупный рогатый скот, не выпускаемый на подножный корм. А там, далеко-далеко у опушки леса или по склону гор, у ручья, по балкам раскинуты зимовья или кутаны для мелкого скота, который выпускался на всю зиму на подножный корм»²³.

С переселением осетин на плоскость было положено начало почти не культивируемых в горах отраслям хозяйства — садоводству и огородничеству, хотя следует отметить, что с овощеводством и бахчеводством осетинское крестьянство было знакомо еще в XVIII веке²⁴. Путешественник Штедер отмечал, например, что жители «долины разводят бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и зеленый табак»²⁵. И все же огородничество и садоводство в плоскостной Осетии берут свое начало с 30—50-х годов XIX века. Эти отрасли сельского хозяйства осетины заимствовали у русских, с поселением на плоскости казачьих станиц и с постройкой серебрясвинцового завода и Горной станицы в Алагире²⁶. На товарную же основу эти отрасли были поставлены также в пореформенный период.

Развитие хозяйственной жизни в Осетии в связи со значительным расширением земледельческой базы его населения яви-

---

²² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 2, л. 15.

²³ Гарданов М. «Селение Христиановское в фактах жизни». — «Известия СОНИИ», 1925, т. I, с. 180.

²⁴ Цагарели А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. II, СПб, 1902, с. 65.

²⁵ Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 50.

²⁶ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. I, д. 1009, л. 86.

лось материальной основой для дальнейшего развития в Осетии феодальных отношений. Усиливается классовая дифференциация осетин, происходит обезземеливание основной массы земледельческого населения — холопов, кумаягов, адамихатов, кавдасардов и фарсаглагов. Наоборот, земля все больше сосредоточивается в руках небольшой кучки помещичьих фамилий. Переселение осетин на плоскость усилило эксплуататорские устремления феодалов, их попытки к полному закрепощению крестьян и к увеличению барщины и поземельных повинностей, чего не знали или мало знали горцы. С переселением на плоскость рост помещичьего землевладения в Осетии получил значительный импульс. Плоскостная земля становится предметом бесконтрольного захвата в широких масштабах со стороны таких феодальных фамилий, как Тугановы, Кубатиевы — в Дигории; Дударовы, Кундуховы, Капуковы, Мамсуровы — в Тагаврии; Мадзаевы, Есиевы, Датиевы — в Алагирском и Куртатинском обществах. Концентрация земли в руках крупных землевладельцев и связанная с нею жестокая эксплуатация крестьянских масс как никогда до этого обостряла классовую борьбу в Осетии, что в свою очередь расшатывало устои феодально-крепостнической системы.

Характеризуя социально-экономическую жизнь осетин после переселения, следует отметить весьма существенный факт проникновения промышленного капитала и в связи с этим появления в Осетии промышленных предприятий, органически связанных с хозяйственными условиями.

В 40-е годы началась разработка месторождений цветных металлов, что привело к тому, что в 1850 г. правительство построило в предгорной Осетии крупный по тем временам серебряно-свинцовый завод. В качестве рабочих здесь работали переселенные с уральских и алтайских заводов крепостные мастеровые, а также местное осетинское население. Уже в 1851 г. кавказский наместник фельдмаршал М. С. Воронцов в довольно категоричной форме предписывал местным военным властям и заводской администрации «иметь старание приохочивать осетин к заводу»²⁷. Алагирский завод и Садонские рудники, по существу, явились местом зарождения рабочего класса Осетии.

Наконец, выселение значительного числа горского населения на равнину и образование здесь населенных пунктов имело значение и для самих осетин-горцев. «Избавление» нагорной полосы хотя бы от незначительной части его населения уже было важным мероприятием на пути ослабления вредных последствий горной перенаселенности. Переход же почти 2/3 населения²⁸

²⁷ ЦГА Груз. ССР. ф. 4, оп. 2, д. 1370, л. 4.

²⁸ Население Северной Осетии к началу пореформенного периода составляло 78 тысяч, в том числе в нагорной ее части — 29 тысяч душ обоого пола и на плоскости — 49 тысяч.

на плоскость, был поистине избавительным актом для горцев — значительно ослаб земельный голод, хотя, в силу естественного роста населения, он еще оставался довольно сильным.

Переселенцы на плоскость продавали в горах или сдавали в аренду свои земельные участки оставшимся здесь жителям. Нередки были случаи, когда пахотные участки и сенокосы передавались родственникам или соседям безвозмездно.

Разряжение, таким образом, нагорной полосы путем переселения ее населения на равнину, имело исключительное значение для горцев. Надо полагать, заметное на первое время облегчение испытали хозяйства горцев прежде всего в восточной части нагорья — Санибанском, Кобанском, Дарьяльском и Куртатинском ущельях, откуда выселилась основная масса населения. В наиболее стесненных условиях остались Тагаурское, Дигорское и в особенности Алагирское общества²⁹.

Кроме того, горцы получили возможность аренды земли на плоскости. Такая форма экономической связи с равниной также была значительным подспорьем в хозяйстве горцев, особенно если учесть, что собственная земля давала хлеба всего на 3—4 месяца в году. К сожалению, отсутствуют данные, характеризующие, какое количество земли горцы арендовали на плоскости в первой половине XIX века. Зато документы 60—70-х годов XIX века свидетельствуют, что эти цифры каждый год достигали внушительных размеров: пахотной земли — 5 786 десятины, сенокоса — 3 200 десятины, а всего — 8 986 десятины³⁰.

Наконец, образование осетинских селений на равнине было выгодно и горскому населению. В неурожайные годы (а «неурожай в горах, — свидетельствовала официальная власть, — обыкновенное явление») горцы спускались на плоскость («быдырма») и здесь, с помощью своих братьев запасались хлебом на зиму. Плоскостные села являлись для них как бы перевалочной базой, где можно было отдохнуть, переночевать, поужинать; так как многие из них имели в этих селах своих родственников.

Переселение осетин на равнину имело не только экономические, но и серьезные политические и культурные последствия. Безусловно, выход значительной части осетинского народа на равнину способствовал этнической консолидации. Известно, что в горах осетины жили замкнутой жизнью. Сами условия жизни здесь способствовали сохранению и консервации племенной обособленности. Народ, расселенный по трудно проходимым и изолированным друг от друга ущельям, лишился регулярных экономических и политических связей не только с соседними народами, но и со своими единоплеменниками. Происходившая в этих условиях почти непрерывная межфеодалная, межродовая борьба в осетинских обществах мешала преодолению этих

²⁹ «Известия СОНИИ», вып. II. Владикавказ, 1926, с. 179.

³⁰ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 60, д. 7, л. 15.

распрей. На плоскости сама жизнь сближала ее жителей, ибо здесь возникли все условия для ликвидации этой разобщенности между тагаурцами, куртатинцами, алагирцами, туалъцами, дигорцами. Осетинская равнина, говоря образно, явилась как бы огромной площадкой встречи горцев различных обществ и ущелий. Заселение равнины проходило строго по племенному правилу, так как плоскость властями была разделена согласно этому принципу³¹. Тем не менее, начиная с 40-х годов, сами жители стали нарушать его. Алагирцы оседали в дигорских, куртатинских, и тагаурских плоскостных селах, куртатинцы — в тагаурских, алагирских, дигорских³². Если раньше межплеменные брачные союзы в Осетии были редчайшим явлением, то теперь они становились обыденными. Если в горах нанести даже дружеский визит жителям соседнего аула было связано с чрезвычайными трудностями и опасностями, то на плоскости всему этому наступил конец.

Жизнь на плоскости сближала осетин с русским населением. Общаясь с русскими в городах Владикавказе, Моздоке, Алагире, а также в соседних станицах, осетины знакомились с их бытом, материальной и духовной культурой и усваивали их лучшие стороны. Между осетинами и казаками происходило частое общение на основе обменной торговли, развивались куначеские отношения³³. Осетины «лицом обернулись к русским»³⁴.

В быту не только переселившихся на равнину осетин, но и горского населения происходят положительные изменения. Уже в 40—50-х годах стал меняться тип жилища; дома стали строить со светлыми окнами, и даже с черепичной крышей. Внутри жилых строений стала устанавливаться печь по русскому образцу. «Если вы теперь пройдете по аулам плоскостной Осетии,— писал очевидец,— вы удивитесь происшедшей перемене. В любом ауле вы уже найдете много довольно пирамидальных домов, крытых черепицей, имеющих вместо крошечных отверстий, большие светлые окна, закрывающиеся филленчатыми ставнями. Если вы войдете в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шлевками, вместо камина чаще вы увидите печку... Если вы гость, русский, или долго жили в России и усвоили русские обычаи, вам могут подать тщеславные горцы обед с претензиями на русский вкус и обычай»³⁵. Эти прогрессивные изменения в экономической и бытовой жизни сказывались и в лексиконе осетин. Осетинский

³¹ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. I, д. 2089, лл. 21—26.

³² ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. I, д. 8, лл. 1, 3, 4 об.

³³ Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954, с. 52.

³⁴ Ардасенов А. Г. Указ. соч., с. 20.

³⁵ Там же, с. 26—27.

язык уже в те годы обогатился большим количеством русских слов³⁶.

В связи с заселением равнины создались более благоприятные условия для развития мирных и дружественных отношений осетин с соседними народами: кабардинцами, ингушами, чеченцами, грузинами и другими. Документы довольно часто свидетельствуют о совместных антиколонизальных и антифеодальных выступлениях осетинского, кабардинского, ингушского крестьянства. Многие осетины на плоскости жили мирно в кабардинских селениях, а ингуши — в осетинских, и наоборот³⁷. Например, в 1861 г. осетины на территории Малой Кабарды занимали 20 092 десятин земли³⁸.

Оживление политической и экономической жизни осетин после их переселения на плоскость вызвало и культурный рост населения Осетии. Зародилась письменность, появились очаги просвещения. В 1764 г. в Моздоке была открыта первая осетинская школа, а во Владикавказе в 1836 г. — осетинское духовное училище. В этих школах, а также в различных учебных заведениях России и Грузии были подготовлены первые кадры осетинской интеллигенции, тем самым появилась возможность открыть в 50—60-х годах XIX века начальные церковноприходские школы в селах Осетии, которых в 1869 г. насчитывалось более двадцати. Благодаря передовой интеллигенции Осетия явилась тем единственным уголком Северного Кавказа, где вопрос женского образования в 40—60-х годах был решен практически. В 1848 г. во Владикавказе открылась первая женская школа, а вслед за ней — и вторая в 1864 г.

Таким образом, переселение осетин с гор на равнину, явившееся результатом присоединения Осетии к России, объективно привело к значительным социально-экономическим и культурно-политическим сдвигам в общественной жизни Осетии. Оно явилось одним из факторов оживления производительных сил в осетинских обществах. С выходом осетин на плоскость и получением ими здесь земли, с одновременным образованием здесь же большого числа селений, создались более благоприятные условия для развития земледелия, отгонно-пастбищного скотоводства и других отраслей хозяйства, для торгово-экономических связей Осетии с Россией, которые стали потепленно подрывать устои патриархального, замкнуто-натурального хозяйства и, вместе с тем, способствовали дальнейшему приобщению осетин к более прогрессивным формам русской общественной жизни. Плоскостное земледелие и скотоводство дали значительный толчок развитию в Осетии феодальных отношений.

³⁶ Тотоев М. С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955, с. 50.

³⁷ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. I, д. 16, л. 1.

³⁸ Там же, л. 4.

§ 2. Усиление феодально-крепостнического гнета и рост антифеодальных выступлений осетинского крестьянства

Освоение плодородных предгорных и плоскостных земель и перемещение в связи с этим основной хозяйственной базы осетин с гор на равнину способствовали заметному экономическому развитию Осетии, в частности развитию ее сельского хозяйства и включению его в единый хозяйственный организм России. Этот процесс, начавшийся вскоре после присоединения Осетии к России, в первой половине XIX века по существу был закончен.

Втягивание Осетии в орбиту русского торгового капитала разрушало замкнуто-натуральное хозяйство горцев. Осетины, как и другие горцы Северного Кавказа, все больше приобщались к торговле. Меновая торговля, какую знали осетины в конце XVIII — начале XIX века, постепенно уступала место денежной. Деньги становились средством расчета. Осетины, в особенности социальная верхушка, стали покупать, кроме предметов первой необходимости, и предметы роскоши. Они и сами все в более возрастающем количестве стали сбывать продукты сельского хозяйства³⁹.

Товарно-денежные отношения быстрее проникали в плоскостную Осетию. В быту плоскостных осетинских селений произошли определенные прогрессивные сдвиги. «Осетины особенно старались воспринимать все наиболее полезное из нахлынувшей на них с севера культурной волны, — писал современник, — так что в настоящее время вы уже редко где встретите в поселках курные сакли, а напротив, вместо них увидите дома, построенные на русский лад, даже с претензиями на городскую архитектуру. При каждом дворе или усадьбе найдете садик или огород»⁴⁰.

О тех крупных изменениях, которые произошли в облике плоскостных осетинских сел к середине прошлого столетия писал и А. Головин в 1854 году: «Путнику напоминают здесь богатые русские рощи, и это сходство становится разительнее по мере приближения к Кадгарону, Ардону, Суадагу, Вольно-Христиановскому аулам. По виду совершенно русские селения! Такие же срубы — отвесные соломенные кровли, неподалеку от дворов у каждого почти хозяина несколько запасных скирдов хлеба. Это в горах не случалось встречать»⁴¹.

С развитием торговли растет заинтересованность феодаль-

³⁹ АКАК, т. 7, с. 864.

⁴⁰ «Терские ведомости», 1870, № 132.

⁴¹ Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии. — «Кавказский календарь», 1854, с. 444.

ной верхушки в сбыте продуктов своего хозяйства. Почувствовав сравнительно большие для себя выгоды от торговли, осетинская знать стала еще сильнее закрепощать и эксплуатировать крестьян. Представители привилегированных сословий (старшины), получившие первыми земли на равнине, приглашали с гор население, обещая совместное владение землей и предлагая коллективную ее обработку. По истечении некоторого времени, когда феодалы обживались на новом месте, они объявляли землю собственной, а одноаульцев рассматривали как своих подвластно-зависимых, облагая их новыми повинностями за пользование землей.

Зная ненасытный нрав старшин-феодалов еще по совместной жизни в горах, крестьянские сословия не особенно охотно переселялись с ними, не соглашались на совместное с ними пребывание в одном ауле. Прежде чем переселиться в тот или иной старшинский аул, крестьяне, начиная с 30-х годов стали требовать от них письменных обязательств-расписок, что на новом месте не будут их притеснять и накладывать подати, что земля в ауле будет в общем владении. Только в этом случае решались последние стать со старшиной одноаульцами. Нам удалось обнаружить не одну сотню таких расписок, содержание которых для нас представляло чрезвычайный интерес в связи с вышеизложенным. «1836 года марта 20 дня,— говорится в одной из них,— дал сие условие Смаилу Хосонову в том, что по разрешению мне высшего начальства переселяюсь я с ним и со всею его фамилиею в назначенное правительством месте, где мы должны жить согласно и мирно, не делая друг другу обиды, защищать вместе свою землю усердно... как то обязуюсь: не отягощать их ничем, как они есть вольные люди, то не брать с них подати и налогов, не признавать их своими подвластными. В чем и подписываюсь»⁴². Расписка засвидетельствована в Управлении Владикавказского коменданта и скреплена его печатью.

На новом месте феодалы стремились расширить свою заповашку, ввели новый вид феодальной повинности — барщину, каковую не знали, или знали понаслышке осетинские крестьяне в горах. Новым видом повинности для крестьян стал и денежный оброк, собираемый в пользу феодалов. С первых переселенцев в старшинских аулах собирали по 1 руб. со двора в пользу феодалов, якобы за охрану аула «от хищничества»⁴³. Позже сборы эти значительно возросли и вошли в систему, стали строго обязательными, даже после того, когда отпала необходимость нанимать и содержать караульщиков. В 1846 г. жители нескольких плоскостных аулов в своей жалобе наместнику так объясняли предысторию этой повинности. «Впоследствии

⁴² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 1, л. 1.

⁴³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 12, л. 27 об.

же,— писали они,— когда часть из нас целыми аулами вышла на плоскость на настоящие места жительства, то находящиеся между нами старшины получали от нас некоторую плату за охранение аула и нас от набегов хищнических шаек во время полевых работ; напоследок же, через несколько лет, старшины эти вздумали требовать от нас эту плату, не охраняя полевых работников, за то, что, будто бы, земли, на которых поселились выходцы с гор, приобретены по купкою у кабардинских князей или даны им правительством. В таком случае народ нашего поколения по недоразумению своему не делая о том исследований и не считая это за убыток, положил старшинам, в аулах которых жили в течение года, самую ничтожную подать. Ныне же подать эта под разными предложениями время от времени набавляется более и увеличивают налог до совершенного отягощения»⁴⁴. Крестьяне просили наместника, как «уполномоченного» верховной власти, войти «в рассмотрение описанных обстоятельств» их, как стесненных старшинами в неправильных налогах и сделать на плоскости живущим отраду в ограничении подати»⁴⁵.

Кроме барщины и денежного оброка поселившиеся на плоскости горцы облагались значительным натуральным оброком. Почти все статьи крестьянского хозяйства были обложены им. При этом, размеры крестьянских повинностей были не одинаковы в разных районах плоскостной Осетии. Как правило, наиболее изнурительными и тяжелыми они были в аулах Дигории и Тагаурии. Именно здесь были основаны наиболее ранние плоскостные села, в XVIII и в самом начале XIX века. Привилегированные сословия этих аулов сравнительно раньше других приспособили хозяйство к изменившимся условиям; расширили барскую запашку, усилили эксплуататорское наступление на своих подвластных и полузависимых крестьян, раньше других осознали выгоду приспособления хозяйства к рынкам Владикавказа, Моздока, Георгиевска, других городов Северного Кавказа и Тифлиса.

Вот как характеризует барщину и натуральный оброк в Осетии 40-х годов чиновник местной власти тех лет: «Мужчины исполняют все полевые и домашние работы у феодала, возят и рубят дрова, косят, убирают, и свозят сено и хлеб, присматривают за пчелами, скотом, лошадьми и баранами, вывозят лес для построек, строят дома... Жены их по очереди носят воду в дом владельца, доят коров и приносят с кутанов молоко на дом хозяина... Моют белье и утварь, мажут и белят сакли, сеют, полют и присматривают огород. Во время болезни и родов жены владельца они по очереди помогают рабыням исполнять обязанности сиделок»⁴⁶.

⁴⁴ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. I, д. 1846, лл. 19, 19 об.

⁴⁵ Там же, л. 20.

⁴⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1051, л. 33.

Большой документальный материал говорит о том, что даже у различных феодальных фамилий эти поземельные повинности взимались по-разному. Вообще нужно отметить, что как оброк, так и барщина не были ничем и никем нормированы и контролируются. Осетинская знать в угоду своим крепостническим устремлениям ломала веками сложившиеся юридические устои прежних представлений обычного права. Каждый феодал, чувствуя абсолютную бесконтрольность, волен был взимать с подвластных крестьян столько податей и в таком количестве, в каком он считал это необходимым.

Так, запашка под пшеницу облагалась у Тугановых оброком в три меры, у Дударовых, Тулатовых и Кундуховых в Тагаурии — в четыре меры, а у Кубатиевых и Караджаевых в Дигории — в пять мер. За посев проса у Есиевых, Датиевых в Куртате, Мадзаевых в Алагире, Дзантиевых в Тагаурии — в две с половиной меры, а у Тугановых, Кубатиевых и Кабановых в пять мер, за посев кукурузы — большую корзину кукурузы. Даже за занятия огородничеством крестьяне платили тарелку фасоли. Дигорские бадеята за пчеловодство с одноаульцев сперва взимали оброк, одну лучшую саптку меду, а позже — в два с половиной раза больше⁴⁷. Кто имеет накошенное сено, должен сперва привезти старшине — одну азиатскую копну сена⁴⁸.

С расширением феодальных запашек увеличилась и барщина. У Дударовых, Кануковых, Кундуховых, Мамсуровых, по указаниям самих старшин, все, пользующиеся их землей пахотью, сенокосом, разведением баранов, скота, лошадей, «обязаны были ежегодно, сколько было в ауле плугов, произвести однодневную распашку для озимых хлебов, а для жатвы давали с двора по одному жнецу, в покосное время по одному косарю. Должны были собраться и все вместе с утра до вечера косить сено»⁴⁹.

Точно так же облагалась и крестьянское скотоводческое хозяйство. Так, у Тугановых, кто имел овец, сдавал двух ягнят, независимо от того, пасется его скот на Тугановской земле или нет. Кубатиевы, Кабановы, Караджаевы брали на одного ягненка меньше, а те крестьяне, у кого не было овец, платили один рубль серебром. Почти такую же картину рисуют документы и в аулах восточной Осетии с некоторыми изменениями в куртинских селениях.

На плоскости, в связи с ростом заинтересованности в сбыте продуктов своего хозяйства, осетинская знать усилила крепостнический нажим, стремясь не только к полному закрепощению своих подвластных крестьян и усилению их эксплуатации, но и

⁴⁷ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. I, д. 10, лл. 4—10.

⁴⁸ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. I, д. 10, л. 5.

⁴⁹ ЦГА СО АССР, ф. 283, оп. I, д. 5, л. 22.

к распространению своих феодально-крепостнических прав на новые крестьянские души, дворы-семейства, фамилии. Мы уже отмечали, что подобное стремление осуществлялось феодалами прежде всего путем приглашения к себе в плоскостной аул охотников с гор. То обстоятельство, что военные власти первоначально землю отводили только старшинам⁵⁰ с неременным условием заселения ее, со временем давало последним возможность объявлять аул своим, землю в округе села своим вотчинным владением, а жителей в одном с ними ауле — своими подвластными⁵¹. Чаще всего в таком положении оказывались фарсаглаги. Если учесть, что из 41 аула, образовавшихся на равнине до 40-х годов XIX века, 36 были старшинскими и назывались именем своего феодала-основателя, то станет вполне понятным, что основная масса «вольных осетин», как называли фарсаглагов⁵², в силу этих обстоятельств фактически оказалась в положении зависимых — кавдасардов. «Живя в ауле старшины, осетины, хотя бы они были вольными, должны отбывать все повинности наравне с подвластными»⁵³, — таково было неременное условие осетинских феодалов. По данным самого генерала Г. И. Нестерова, коменданта Владикавказа, приблизительно 2/3 фарсаглагского сословия оказалось под старшинским гнетом⁵⁴.

Особым (среди других феодальных фамилий) рвением к закабалению вольных сословий отличались Дударовы, Тулатовы, Кундуховы, Шанаевы, Кануковы в Тагаурии⁵⁵, Есиевы, Тезиевы, Борсиевы, Цаликовы в Куртатинских аулах⁵⁶, Мадзаевы, Датиевы в Салугардане⁵⁷, Тугановы, Кубатиевы в Дигории. При этом обращает на себя внимание тот факт, что феодальная знать таких «демократических» обществ, какими считали Куртатинское и Алагирское, в стремлении умножить свое хозяйство за счет закабаления вольных крестьянских сословий и захвата их земель не только не отставала от тагаурских алдар и дигорских баделят, но в некоторых районах даже превзошла их. Наиболее богатые и влиятельные представители феодальных фамилий Мадзаевых и Датиевых сами не без гордости заявляли: «В аулах на плоскости жители платили нам подать за право пользования

⁵⁰ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 114, лл. 33—34.

⁵¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 12, л. 28 об.

⁵² В документах 40-х гг. есть две цифры о количестве фарсаглагских дворов в Осетии: Владикавказский комендант в 1847 г. называл цифру 6000 дворов, сами же фарсаглаги считали, что их 5000—5500 дворов.

⁵³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 3, л. 16 об.

⁵⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 3, л. 81 об.

⁵⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, лл. 19—26.

⁵⁶ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 3, л. 128.

⁵⁷ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. I, д. 4, лл. 1—2.

землями. Обстоятельства, время и умение отцов и дедов наших поставили нас в такое положение, что мы стали пользоваться правами и привилегиями наравне с соседними тагаурцами и дигорцами»⁵⁸. Усиливающийся феодальный гнет испытывали и жители таких куртатинских аулов, как Верхний и Нижний Фиаг, Суадаг и Карца. Неоднократно они жаловались окружной власти на то, что от «пронырства угнетателей» они оказались в очень «стеснительном положении». 16 апреля 1849 г. они писали начальнику округа генералу Ильинскому, что в 1823 г. переселились в Суадаг и Кадгарон и «ласкали себя надеждой, что никто против другого не будет иметь преимуществ»⁵⁹. «Но между тем имеет в виду ныне, что выселившиеся фамилии: Цаликовой в Кадгаронскую деревню, Есневой, Тезиевой и Борсневой в нашу Суадагскую деревню, из которых некоторым счастье поблагоприятствовало достигнуть офицерских чинов, почему фамилии эти берут перед нами перевес и преимущество в поземельных и лесных довольствиях и начинают угнетать нас»⁵⁹.

Мы уже писали, что равнинная земля военной администрацией отдавалась переселяющимся с гор без всякой системы. И не подворно, и не аульно. Хаос и произвол царили в этом деле. Единственное, что было сделано, это то, что по указанию генерала Ермолова, равнина была Скворцовым разделена на четыре больших района («части»), по числу основных осетинских обществ: тагаурского, куртатинского, алагирского и дигорского. До 30-х годов горцы были вольны в выборе местожительства. Они могли селиться в любом месте в пределах своего района и занимать согласно своему положению в обществе столько земли, сколько хотели. «Аулы занимали пространство земли, какое хотели,—говорится в документах 1846 г.,—ибо не были стеснены ни правительством, ни соседями»⁶⁰. По существу военные чиновники не занимались землеустройством населения и пустили его на самотек. К тому же задача поземельного устройства была им совершенно не по силам. Лица, вершившие поземельное дело на Северном Кавказе, не имели никакой подготовки к исполнению «этой трудной обязанности». Мало того, обремененные многочисленными занятиями, полицейскими, военными, судебными, хозяйственными и т. д., местные военные администраторы не имели ни времени, ни возможности отдаваться каким-либо предварительным работам, которые могли дать им точку опоры при решении земельного вопроса»⁶¹.

Этим обстоятельством умело пользовалась местная знать для захвата плоскостной земли в больших масштабах. Военные

⁵⁸ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. I, 9, 94, лл. 1—2.

⁵⁹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 3, л. 128 об.

⁶⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. I, д. 3, л. 81.

⁶¹ «Новое обозрение», 1884, № 124.

власти не только не чинили препятствий подобному присвоению земельных площадей, но поощряли его. «Дело было поставлено так, что всякий влиятельный туземец, принятый местными властями, мог свободно закреплять за собою землю, заявив лишь, что она составляет собственность его или его фамилии»⁶². Конкретно в условиях Осетии в 30—50-х годах это выразалось в том, что представители привилегированных сословий стали распространять свои права на такие земли, на которые раньше не претендовали и которые, разумеется, им не принадлежали. Повидимому, это не вызывало широкого протеста со стороны зависимых сословий вначале, ибо земельные участки крестьян в полном смысле слова еще не становились объектом феодального захвата. На первое время, пока равнина была малозаселена, знать присваивала так называемые свободные, «гулящие» участки. Только этим можно объяснить, почему поземельные споры в Северной Осетии в то время не были столь острыми, какими они стали в последующие годы. Касаясь предыстории аграрного движения в Осетии, комендант Владикавказа генерал Нестеров доносил в Тифлис в 1847 г., что «при переселении из гор крестьяне до 1836 года жили со старшинами весьма спокойно и в совершенном согласии»⁶³.

У нас нет оснований верить всему тому, в чем хотел убедить генерал Нестеров высшее начальство и, в частности, в весьма мирной и спокойной совместной жизни зависимых сословий со своими старшинами. Но в то же время нельзя не отметить чрезвычайную скудость документов первой трети XIX в. данными, свидетельствующими о напряженности аграрных отношений в Осетии на почве этих феодальных захватов плоскостной земли. И, наоборот, большой фактический материал, имеющийся в нашем распоряжении, убеждает в том, что активные антифеодальные выступления жителей плоскостных осетинских селений берут свое начало именно с конца 30-х годов. Именно «с того времени начались несогласия и раздоры между сословиями»⁶⁴, — доносил тот же генерал Нестеров. Сильные фамилии захватывали земли и старались закрепить их за собой. В ход пускались «сила и влияние», «обман», «хитрость», «пронырство», «лихоимство и даже вероломство». К концу 40-х годов почти весь земельный фонд плоскостной Осетии за небольшим исключением был ими объявлен феодальной собственностью. Доверенные фарсаглагского и кавдасардского сословий всего округа писали в 1847 г. заместнику Кавказа М. С. Воронцову, что «старшины присваивают себе почти всю землю во Владикавказском округе»⁶⁵. В округах привилегированных сословий Осетии царила

⁶² «Новое обозрение», 1884, № 124.

⁶³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 81 об.

⁶⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 13.

⁶⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 75.

настоящая земельная лихорадка. В этом ажиотаже каждая феодальная фамилия «лезла из кожи, чтобы побольше урвать из общественных земель. Ради этой цели все средства были хороши»⁶⁶. Такая обстановка резко обострила классовую борьбу в Осетии.

Ярким свидетельством тому может служить многолетняя борьба жителей алагирских селений Ход, Садон с Кубатиевыми из-за пастбища «Кивон», жителей Згид с Абисаловыми, Мизур и Салугардан с теми же Кубатиевыми за земли урочища «Црау». Борьба эта имела большой общественный резонанс, приобрела общекавказские масштабы. Ею занимались не только местная администрация, но и высшие кавказские военные и гражданские власти. Наместник края князь Воронцов несколько раз вызывал в Тифлис для личного доклада начальников центра Кавказской линии полковника Беклемышева и генерала Эристова, комендантов Владикавказа генералов Нестерова и Ильинского.

За этой борьбой жителей алагирских селений с дигорскими баделятами пристально следило все население Осетии.

Крупная феодальная фамилия Кубатиевых, получившая в 1822 году значительные земельные массивы в равнинной Дигории и сохранившая в горах огромные наследственные пастбищные угодия, в конце 30-х годов стала простираť свои права и на соседние крестьянские земли, якобы также «издревле» принадлежавшие им, Кубатиевым. В горах орудовали прапорщик Мисост и подпоручик Мимбулат Кубатиевы. Покоя не знали от них жители соседних деревень. Безнаказанно захватывали Кубатиевы их земли, забирали крестьянский скот. Наконец, в 1838 г. они объявили жителям селения Ход, что и их одно-единственное пастбище, под названием «Кивон», также отныне принадлежит им, Мисосту и Мимбулату Кубатиевым, так как когда-то, по преданию, она принадлежала их предкам, а ходцы поселены на этой земле лишь с разрешения Кубатиевых и за пользование пастбищами предки ходцев и жителей селения Садон платили дань предкам Кубатиевых. Такое объявление для жителей Хода и Садона было громом среди ясного дня. Отвергнув домогательства Кубатиевых на их землю, они решительно заявили, что «не щады себя не перестанут ее защищать»...⁶⁷

После долгих споров Кубатиевы перешли к делу. В июле 1840 г. Мисост Кубатиев с вооруженной охраной пригнал свой табун из 460 лошадей на вышеупомянутое пастбище. Узнав об этом, ходцы «всей деревней собрались и отправились до своих покосных мест и начали с честью просить Кубатиева, как благородного человека, чтобы оставил вытраплять места покосные,

⁶⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 233, оп. I, д. 4, л. 53 об.

⁶⁷ ЦГА СО АССР, ф. 56, оп. I, д. 2089, л. 8 об.

уговаривая его под разными предложениями, но сей старшина Кубатиев, несмотря на все наши просьбы и уговоры, не приняв это в резон, даже и не обратил внимания»⁶⁸. Тогда крестьяне взяли и силой прогнали Кубатиева с его людьми и табуном «за границу нашей земли». На второй день он опять пригнал своих лошадей на землю «Кивон». Горцы опять прогнали их и их хозяина, «а на третий раз, когда опять стали прогонять его из означенной границы нашей, то произошла между нами драка»⁶⁹. Драка переросла в вооруженное столкновение, «в результате чего пролилась кровь». Несколько дружинников феодала и сам старшина М. Кубатиев были убиты. Было убито несколько человек и со стороны жителей Ход. «Когда же дали знать табунщики о сем в Дигорию, то Кубатиевы, равно и другие старшины, имеющие чины, догнали нас близ деревни нашей Ход, и опять произошла между нами небольшая перестрелка, которая продолжалась несколько дней»⁷⁰. Но дело на этом не кончилось. Кубатиевы с помощью своих многочисленных дружинников и в союзе с другими баделятами организовали настоящую вооруженную осаду вокруг Садона и Хода, «ища день от дня мщения». В конфликт включилось все близлежащее население.

В адрес местной и кавказской администрации стали поступать прошения, жалобы с обеих сторон. Зимой 1845 г. все жители соседствующих с Ходом селений, в количестве 343 семейств обратились к коменданту Владикавказа с просьбой: «...Дабы не произошли дурные последствия, назначить следствие и поскорее окончить спор с Кубатиевыми». В знак солидарности с ходовцами крестьяне алагирских селений требовали от генерала Нестерова вообще «оградить их от несправедливых требований старшин Кубатиевых», ибо, «если до таковой несправедливости отойдет наш аул Ход, заключающийся из 43 семейств с землею «Кивон» Кубатиевым, то вероятно и другие, подобные Кубатиевым, готовы будут обратиться с таким требованием к нам, как Абисаловы, Битуевы на деревню Згид, Садон и др., имеющие тоже границу с Абисаловой и Битуевой землями. И тогда вероятно алагирский народ поневоле вынужден будет встать на Кубатиевых, Абисаловых, Битуевых и пр.»⁷¹.

Власти вместо того, чтобы пресечь явно захватнические действия старшин и действительно оградить крестьян от баделятского террора, занялись демагогией. Они заигрывали то с Кубатиевыми, то с народом. В течение всего времени, пока шла эта тяжба (а она длилась более четверти века), было создано множество посреднических комиссий. В начале 1845 г. этим делом занималась комиссия во главе с помощником командира

⁶⁸ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 12.

⁶⁹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, лл. 12—12 об.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, л. 37.

Владикавказского казачьего полка штабс-ротмистром Бекманом, в 1846 и 1847 гг. работала комиссия в составе приставов алагирского, куртатинского и дигорского народов. В 1848 г. делом о поземельном споре между алагирцами и дигорскими баделятами занялась комиссия под руководством майора Врубеля, в 1849 г. — комиссия под председательством поручика Калмыкова — офицера Навагинского полка, затем в земельный спор включился комитет генерала Навицкого, а в 60-е годы он стал предметом жарких дискуссий разбирательства в комиссии Кодзокова.

Все эти комиссии доказали, что спорная земля, в том числе пастбища «Кивон», бесспорно принадлежат ходцам. «Честь имею объяснить, — говорилось в рапорте поручика Калмыкова в 1851 г. начальнику Военно-Осетинского округа генералу Ильинскому, — что право алагирцев на спорную землю несомненно принадлежит алагирцам, которые имеют на нее полное право»⁷². На стороне крестьян были и симпатии прапорщика Спицына, специально посланного Ильинским осмотреть спорную землю. Положение жителей алагирских деревень он считал «тяжелым и чрезвычайно стесненным, которые много терпят от своих невольников — дигорских старшин Кубатиевых и Абисаловых». «Мало того, что они пользуются пастбищным местом в их, алагирцев, земле и делают часто беспорядки, но вытаптывают еще табунами сенокосные места, выжигают скошенное сено, рубят лес поблизости от границ, требуют за кровь 18 душ холопов, 180 быков и 1 барана со двора. Эти беспорядки влекут за собой непримиримую вражду крестьян с старшинами и оканчиваются всегда убийством с той или другой стороны»⁷³. Чиновник этот советовал начальнику округа: «Запретить Кубатиевым и Абисаловым переходить границу с табунами и делать беспорядки алагирцам. Только строгие меры начальства могут прекратить этот наследственный спор»⁷⁴.

Однако окружное начальство не хотело и не собиралось принимать в отношении феодалов строгих мер. Напротив, оно в течение этого времени не раз защищало «наследственные права» Кубатиевых на «Кивон» и другие алагирские земли, строго предписывало крестьянам «не враждовать с старшинами», т. е. смириться со своей участью, угрожая в противном случае «арестом лукавых зачинщиков». Оно передало земельный спор даже медиаторскому суду, в составе депутатов, предложенных баделятами, против чего энергично протестовали ходцы. «Согласиться на медиаторский суд, — писали ходцы, — равносильно проиграть свои земли и самого себя, потому что Кубатиевы сильная фамилия — и по чинам, и по богатству многоизвестна, и сверх

⁷² ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, л. 37.

⁷³ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, л. 16 об.

⁷⁴ Там же, л. 19.

того, между означенными депутатами имеют узы родства... По сему не мудрено, что каждый выставленный ими свидетель может держать их сторону»⁷⁵.

Медиаторский суд действительно признал «неотъемлемые права Кубатиевых на «Кивон» и постановил, что жители Хода и Садона могут пасти свой скот на пастбище «Кивон» наряду с Кубатиевыми, но они в таком случае за это вносят подать в пользу последних. Алагирцы, не признали такое решение, их доверенные покинули заседание суда и на общем сход у себя поклялись, что лучше «умрут за свою землю»⁷⁶.

С борьбой ходцев и садонцев за свои земли тесно были связаны выступления жителей других алагирских селений — Мизура, Тамиска и Салугардана — против тех же дигорских земледельцев Кубативых. Если в горах орудовали Мисост и Мимбулат, то на плоскости хозяйничали подполковник Иналук, корнеты Бахта, Хатахчико и Айдарук Кубатиевы. В конце 30-х годов они навязали алагирцам тяжбу за урочище «Црау» и другие земли Салугардана общей площадью около 7 тысяч десятин. Особенно усердствовал Бахта Кубатиев.

В 1838 г. они бесцеремненно объявили мизурцам, что с будущего года уже не позволят им производить запашку в местечке «Црау», так как оно якобы с незапамятных времен принадлежало предкам корнета Б. Кубатиева и, следовательно, является его наследственной собственностью. Больше того, вскоре сам корнет уничтожил старые межевые знаки на границе с землей салугарданцев и продвинул их далеко в глубь земель селения Салугардан. «Если старая граница, — жаловались салугарданцы, — отстояла от селения на 6—10 верст, то теперь она приблизилась на расстояние 1,5 верст»⁷⁷. Кубатиев объявил последним, что живут на земле, которую отвел его отцу в 1822 г. генерал Ермолов, а потому обязаны платить ему как наследнику отца поземельные повинности. Споры шли несколько лет. Весной 1841 г. произошли вооруженные столкновения между алагирцами и вооруженной стражей Кубатиева. Было убито 6 человек и «ранено множество людей»⁷⁸.

Бахта Кубатиев, встретив решительный отпор со стороны крестьян, поспешил обратиться за помощью к представителям военной администрации; сперва принес жалобу начальнику Центра Кавказской линии полковнику Хлюпину⁷⁹, а затем, в мае 1842 г. специально ездил в Тифлис, где был принят командиром Отдельного кавказского корпуса генерал-адъютантом Нейдгар-

⁷⁵ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. I, д. 2089, л. 19.

⁷⁶ Там же, л. 22.

⁷⁷ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. I, д. 37, л. 13.

⁷⁸ Там же, л. 28.

⁷⁹ Дигория до 1858 г. в военно-административном отношении подчинялась начальнику центра Кавказской линии.

том⁸⁰. Нетрудно догадаться, на что жаловался Кубатиев командующему, ибо через несколько дней комендант Нестеров получил предписание из Тифлиса: «Строго воспретить алагирцам своеволие, и вообще наблюдать, чтобы все осетинские общества отнюдь не переходили земли, определенные им в 1822 г., при выселении их из гор»⁸¹.

Генерал Нестеров, через пристава алагиро-куртатинских народов войскового старшину Гайтова, запретил мизурцам «делать распахку земель, называемых урочище «Црау», до разрешения высшего начальства»⁸².

Местность «Црау», заключающая в себе 1480 десятин пашенной земли и почти столько же сенокоса, была расположена в самом предгорье. Земля здесь была сказочно богата. Алагирцы выращивали здесь хлеб, готовили на зиму сено, держали свои кутаны. Лишение их црауской земли означало для них неминуемый голод. Они заявили приставу Гайтову, что земля «Црау» их «земля, что если Кубатиевы оспаривают в настоящее время землю у мизурцев, то это потому только, что Кубатиевы сильны», что мизурцы «не щадя самих себя, не перестанут ее защищать и готовы на любую ссору и драку с Кубатиевыми»⁸³. «После невыполнения двухкратного моего приказа», — доносил Гайтов генералу Нестерову в апреле 1847 г., — мизурцы, «вооружившись кто чем попало, выехали в большом количестве для хлебопашества на означенную землю». Владикавказский комендант в срочном порядке снарядил в этот район роту казаков с предписанием Гайтову: «Мизурских жителей, осмелившихся ослушаться приказа вашего о непахании земли им не принадлежащей, немедленно заарестовать и доставить ко мне»...⁸⁴ Десять почетных мизурцев в сопровождении казаков были доставлены во Владикавказ и водворены на 15 суток на гауптвахту.

Однако и это не сломило решимости мизурских крестьян защищать свои права на землю «Црау». Они написали коллективный протест коменданту Владикавказа, подали жалобу командующему войсками Кавказской линии и Черномории, послали 26 марта 1846 г. покорнейшее прошение его сиятельству князю Воронцову. «Местечко «Црау», — писали они заместнику в Тифлис, — действительно принадлежит нам. Оно досталось во владении нам от предков и прадедов наших... Ныне же мы лишаемся его, чрез что теперь не можем иметь хлебопашество, сенокоса и пастбы скота. Хотя же корнет Бахта Кубатиев показывает, что та земля будто бы принадлежит ему, то это во

⁸⁰ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, лл. 3—5.

⁸¹ Там же, л. 5.

⁸² ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 1 об.

⁸³ Там же, л. 4.

⁸⁴ Там же, л. 2.

всем несправедливо»⁸⁵. Мизурцы просили Воронцова «назначить следствие и определить, кому действительно эта земля принадлежит».

Однако все эти обращения мизурцев в различные инстанции царской администрации на Кавказе в надежде найти защитников их правого дела остались «без последствий».

Чувствуя такую безнаказанность и даже поддержку и содействие со стороны официальной административной власти, Б. Кубатиев в своих притязаниях пошел еще дальше. В начале 1846 г. он запретил жителям других селений Салугардана и Тамиска весенние работы на значительной пограничной с его владениями территории, объявив эту землю своей. При этом, в письме на имя начальника Центра Кавказской линии, он, издеваясь над здравым смыслом, объявил себя потерпевшей стороной, а салугарданцев — «захватчиками». «Салугарданские жители, — беззастенчиво лгал он, — вновь самовольно пашут мою землю, топчат сенокосные места, сжигают мои хутора и угрожают убить моих людей и самого меня. Кроме того, за два года уже не вносят мне положенную плату за землю»⁸⁶. Далее, разумеется, он просил оградить его от «такого самовольства и притеснения салугарданских жителей» и «приказать им внести за два года условленную плату».

Любопытно, что грабеж Кубатиевыми алагирских жителей был настолько грубым и открытым, что новый пристав алагирокуртатинских народов есаул Гокинаев, которому было приказано исполнить это, то есть наказать «захватчиков», категорически отказался, за что он... был снят с должности⁸⁷. В своем рапорте на имя Нестерова он так объяснял свой отказ: «С салугарданцами Кубатиев никогда никаких условий не заключал, а потому никакими условленными податями они не обязаны Кубатиеву. Речь идет об алагирских землях, на которые почему-то землевладельцы претендуют»⁸⁸.

Новый пристав прапорщик Кучук Дударов в конце июля 1846 г. явился в Салугардан, чтобы собрать жителей на сход и «объявить им предписание начальства о незаконных их действиях против Кубатиева». Однако приставу не пришлось салугарданцев сзывать. Они к его приезду уже были собраны. Причем вместе с салугарданцами на сходе присутствовали «целыми обществами жители и из других деревень алагирского ущелья». Донося начальству об этом, Дударов отмечал, что «лица собравшихся были злыми, беспокойными и решительными», что в

⁸⁵ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. I, д. 37, лл. 28 и об.

⁸⁶ Там же, л. 19.

⁸⁷ Кстати, за подобное слушание были сняты с этой должности предшественники Гокинаева — Тасо Гайтов и Нафи Шанаев.

⁸⁸ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. I, д. 37, л. 18 об.

ответ ему «все общество объявило: земля, сколько нами вспахано и засеяно, вся принадлежит собственно нам, за которую готовы умереть сейчас же»⁸⁹.

Была создана комиссия, которая должна была разрешить этот земельный спор со «всевозможным вниманием и без всякого пристрастия, стараясь прекратить поэтому всякую вражду»⁹⁰. Одновременно Владикавказский комендант доводил до сведения пристава, что он предписал командиру Владикавказского казачьего полка подполковнику Шостаку «неослабно зреть за спорным делом в алагиро-дигорском районе» и в случае необходимости «быть готовым к выступлению».

Пока шло следствие (а оно длилось до 1850 г.), спорная земля объявлялась «неприкосновенной», на ней запрещалось производить работы как алагирцам, так и землевладельцам⁹¹. Однако Кубатиевы «не брали в резон» решение комиссии и продолжали пользоваться спорной землей. Узнав об этом, салугарданцы «до 200 человек тоже выехали с плугами в поле и стали пахать, вследствие чего между ими, с одной стороны, с Кубатиевыми и баделятскими людьми, с другой, происходили весьма великие ссоры и драки»⁹².

В конце концов крестьяне прогнали с поля Кубатиевых, избили «людей, производивших ему хлебопашество». На следующий день Кубатиевы на это поле вызвали пристава с казаками и «множество прочих Кубатиевских старшин». Пристав, по его признанию, побоялся вести разговор с салугарданцами языком угроз и стал «убеждать алагирцев в несправедливом их поступке». «Тем не менее,— с досадой доносил пристав,— я не смог укротить их свирепства»⁹³.

И все же поземельный спор жителей Салугардана с дигорскими землевладельцами закончился в 1850 г. в пользу помещиков. Вся спорную землю в том году правительство купило за 1962 руб. 50 коп. для строящегося Алагирского серебряноцинкового завода⁹⁴. При этом в роли хозяина этой земли выступали не салугарданцы, а Кубатиевы, деньги же в указанной сумме получил... корнет Бахта Кубатиев.

Таким образом, анализ вышеприведенных событий подтверждает тот факт, что уже в 30—40-е гг. XIX в. на почве усиления феодально-крепостнического гнета, выразившегося в указанный период в безудержном захвате осетичскими землевладельцами крестьянских и общинных земель в их стремлении закабалить новые крестьянские души из числа так называемых

⁸⁹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 32.

⁹⁰ Там же, л. 26.

⁹¹ Там же, л. 30.

⁹² Там же, л. 33.

⁹³ Там же, л. 37 об.

⁹⁴ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 963, и д. 1140.

вольных сословий и в заведении для них новых видов повинностей, в Северной Осетии резко обострилась классовая борьба. Попытка дигорских баделят прибрать к своим рукам земли жителей соседних алагирских селений и распространить на них свою власть, наткнулась на довольно решительное и массовое сопротивление со стороны последних.

Бесспорно, больше всех от баделятского засилия страдал сам дигорский «черный народ». Мы уже писали об увеличении феодальных повинностей и росте личной крепостной зависимости крестьян Дигории. Что же касается земельной обеспеченности дигорского крестьянства, то едва ли был другой такой район в равнинной Осетии, где трудовой народ так был обездолен, обманут, как в Дигории. Дигорский народ стонал в железных тисках, совершенного безземелья.

Как нам представляется, подобное общенародное обезземельвание в этом районе Осетии произошло по трем причинам.

Во-первых, переселение с Дигорского ущелья на плоскость произошло еще до присоединения Осетии к России, в условиях господства на равнине кабардинских феодалов. Дигорские баделята, признав над собой вассальную зависимость от князей Кабарды, обеспечили себе тесный классовый союз с ними. Этот союз позволил дигорским феодалам переселиться на плоскость и с разрешения крупных кабардинских феодалов захватить здесь значительные земельные массивы. Что же касается зависимого от баделят крестьянства, то часть его хотя и переселилась на плоскость вместе со своими феодалами, но без всякого права иметь земельную собственность. Зависимые сословия могли поселиться только в баделятских аулах и то с разрешения их владельцев.

Во-вторых, эти, уже ранее созданные формы феодального землепользования и землевладения в плоскостной Дигории окончательно упрочились в 1822 г., когда, с легкой руки генерала Ермолова, вся равнинная земля в данном районе Осетии отдана в исключительную собственность дигорских феодалов и документально закреплена за ними. Зависимые же сословия опять остались без равнинной земли.

В-третьих, в 1836 г. произошло роковое для дигорского крестьянства событие, которое имело печальные последствия в его судьбе. Командир собственного е. и. в. конвоя, полковник А. Туганов — дигорский баделят, через шефа III Отделения императорской канцелярии генерала Бенкендорфа обратился к Николаю I с ходатайством пожаловать ему на родине в потомственную собственность земельный участок. Просьба была удовлетворена. В начале 1837 г. Бенкендорф сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса барону Розену, что согласно высочайшему манифесту от 24 июня 1836 г. в местечке Дигория нужно отвести полковнику А. Туганову с правом отчуждения

земельный участок в размере 19 000 десятин⁹⁵. С отводом полковнику Туганову в вечное и потомственное владение около одной трети плоскостной земли в Дигории дигорское крестьянство окончательно лишилось земли на плоскости.

Все это вместе взятое и «головокружительный» рост феодальных повинностей» породили здесь к началу 40-х годов новую, весьма напряженную классовую обстановку. Социально-политическая атмосфера в этом районе была так накалена, что по признанию официальных чиновников, напоминала ситуацию последней четверти XVIII века, когда в течение продолжительного времени по всей Дигории бушевал пожар всеобщего крестьянского восстания против баделят⁹⁶.

Дигория снова становилась центром антифеодального движения в Осетии. В авангарде дигорского крестьянства шли адамихаты. Они повели решительную борьбу за отделение их от баделят, за отдельное от феодалов поселение, за наделение их землей. При этом любопытно заметить: чтобы в этой борьбе с баделятами обезопасить себя со стороны русской администрации и, более того, заручиться ее поддержкой, адамихаты своему движению умышленно придали религиозный характер. Изображали его как борьбу христиан с магометанами.

Заметное временное ослабление позиции православия в Осетии не на шутку встревожило правительство и его местную администрацию. Адамихатам, в особенности их вожакам, известны были причины этой тревоги. С усилением магометанской веры на Северном Кавказе, носителем которой, как правило, были горская племенная верхушка и феодальная знать, усугублялись антирусские настроения в местном населении. В усилении позиции мусульманства здесь царизм усматривал ослабление своей собственной власти на Кавказе.

Выступая против мусульманства в Дигории, «черный народ» (прежде всего вольные адамихаты) как бы негласно ставил перед царской администрацией вопрос: за кого она? За народ, выступающий против баделят — врагов православия, или за баделят — «распространителей мухаметанской заразы»?

В 1835 г. адамихаты всех плоскостных дигорских селений избрали из своей среды депутатов и отправили их в Нальчик к начальнику Центра Кавказской линии с просьбой «разрешить им отделиться от мухаметан, переселиться из баделятских аулов на берег реки Урсдон». Жить «с мухаметанами в одном ауле нет больше мочи... — аргументировали они свою просьбу. — Они совращают нас и наших детей в их веру»⁹⁷.

⁹⁵ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 875, л. 17.

⁹⁶ См. об этом: Скитский Б. В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в.—«Известия СОНИИ», т. 17, с. 12—32.

⁹⁷ «Терские ведомости», 1899, № 222.

В 1838 г. снаряжается в Нальчик вторая депутация из доверенных уже всех зависимых сословий. «Весь дигорский народ, живущий на плоскости,— просили депутаты у начальника Центра,— ходатайствует одной милости: дозволить ему переселиться от баделяг на другое место, какое угодно будет русскому правительству назначить нам»⁹⁸. Но и эту делегацию постигла участь первой. Депутаты Брек Корнаев, Габис Габисов, Гуйман Гуцунаев вернулись из Нальчика ни с чем.

Эти неудачные попытки с помощью местной власти получить землю и переселиться туда от своих феодалов, не сломили решимости дигорских крестьян к дальнейшей борьбе за свободу, отношения адамихатов с баделягами после этого еще больше обострились. Отказываясь вносить баделягам повинности, они стали убегать обратно в горы, вступали «с владельцами в ссоры драки», затевали с ними вооруженные столкновения. В Дигории началось сплошное неповиновение своим владельцам.

Баделяга были напуганы и буквально стали осаждать пороги местных и краевых административных учреждений. Писались частные письма, докладные от «всего баделягского сословия», рапорты, посылались выборные в Тифлис, в Петербург. В рапортах феодалы изображали себя пострадавшей стороной, жертвой «крестьянского произвола», сваливали вину в народном неповиновении на народных вожakov, «лукавых людей». «С давних времен,— писали они,— жители наших деревень платили повинности, а в настоящее время ждут нашей гибели и оказывают во всех отношениях неповиновение к нам»⁹⁹.

В довершение ко всему они в 1846 г. послали в Петербург депутатов к генералу Асланбеку Туганову, где с его помощью старшины поднесли государю императору свою просьбу: привести в подданство их подвластных, которым приказать платить все повинности, издревле ими платимые»¹⁰⁰. В докладной записке Николаю I баделяга жаловались, что «везде народ черный ищет всегдашнюю перемену. Точно так поступает теперь и черный дигорский народ, ищет совершенной вольности по внушению лукавых людей, желающих возмущения во всех народах»¹⁰¹. Объясняя недовольство народа агитацией «злонамеренных» людей, дигорские феодалы выражали уверенность, что правительство не станет на путь «лишения их прав над народом, что оно не нарушит порядка, на котором основано спокойствие», прикажет подвластным платить баделягам «повинности, издревле ими платимые». Когда дигорским крестьянам стало известно о делегации генерала Туганова, то «смута» среди них еще больше укоренилась.

⁹⁸ «Терские ведомости». 1899, № 222.

⁹⁹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 35.

¹⁰⁰ Там же, л. 26, и ЦГА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 23.

¹⁰¹ ЦГА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 25.

«Всеподданнейшая просьба» дигорских старшин, пересланная к кавказскому наместнику для принятия мер, вызвала целый переполох в Тифлисе. Весной 1847 г. сам Воронцов вызвал для доклада начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина, которому приказал лично заняться «улаживанием всех споров дигорских старшин с черным народом». Полковник Хлюпин несколько раз ездил в Дигорию, поочередно вел переговоры с баделятами и простым народом. Осенью того же 1847 г. он доносил Воронцову, что по произведенному им разбирательству, он «по возможности согласил простой народ по-прежнему баделятам повиновение и прекращение прежних споров домашними сделками»¹⁰². Он сообщал далее, что по требованию народа пришлось «назначить теперь же вместо прежнего пристава, другого — войскового старшину Гайтова, а для разбирательства между собою тяжб, по их обрядам, кроме уголовных, назначил из среды них народный суд»¹⁰³.

Однако эти меры были лишь временным и, разумеется, не могли принести успокоение Дигории. В 1848 г. новый начальник Центра Кавказской линии полковник князь Эристов, после посещения этого района, вынужден был донести, «что вражда простого дигорского народа противу баделят нисколько не уменьшилась, а напротив увеличилась до такой степени, что простой народ совершенно отказывается от всяких работ не только для старшин, но и для пропитания себя»¹⁰⁴.

«Сильное возбуждение умов» отмечалось также и в других районах плоскостной Осетии. Главными причинами обострений классовой борьбы и здесь служили массовые захваты общинной земли и стремление тагаурских и куртатинских старшин расширить свои владельческие права на крестьян.

Так, известный резонанс имела в Осетии долголетняя борьба жителей селения Хумалага с его владельцем — Иналом Дударовым. Основав аул на плоскости в 1810 г., Дударов приглашал к себе охотников-горцев, обещая им совместное владение землей. В течение нескольких лет, пока жизнь в ауле была тревожной и опасной, он действительно не «обижал» одноаульцев, ограничивался сбором по 1 руб. со двора. Но со временем феодальные поборы вырастали. Позже жители Хумалага жаловались, что Дударов «начал утверждать между ними власть свою, требуя, чтобы они в виде подати производили ему работы соответственно только подвластным людям, за то, что якобы занимаемая нами земля принадлежит ему»¹⁰⁵.

В 1825 г. 78 дворов хумалагцев уже отбывали в пользу Инала Дударова следующие повинности: «в год одного барана со

¹⁰² ЦГА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 29.

¹⁰³ Там же, л. 30.

¹⁰⁴ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 27.

¹⁰⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 19.

двора, один воз сена, один руб. серебром, весной один день пахать на Дударова, во время покоса выставлять по одному косарю со двора, кроме того, убирать все хлеба господина»¹⁰⁶. Вначале на «причуды» феодала жители отвечали бегством из аула, жалобами в административные органы. Сохранившиеся документы свидетельствуют о многократных обращениях хумалагцев к местным властям, но, как правило, эти жалобы оставались гласом вопиющего в пустыне. Военные чиновники всегда оставались на стороне Дударова.

В 1833 г. вся деревня отказалась платить подати. По просьбе Дударова в село прибыл сам комендант Владикавказа генерал Оранский с отрядом солдат. По его приказу солдаты учинили расправу над жителями, избив их плетьюми. Наиболее же активные («почетные») из них (16 человек) были арестованы и «взяты на гауптвахту, где они содержались около 5 месяцев, пока не согласились и не дали подписку, то на будущее время не будут делать подобных ослушаний»¹⁰⁷.

Однако в 1839 г. жители Хумалага снова отказывались нести повинности и платить налоги. Лишь в 1848 г. сыновья Инала Карасе и Магомет (уже офицеры русской армии), призвав на помощь солдат и казаков, наказали «бунтующих» как своих крепостных и заставили их платить налоги за 10 лет в сумме 1080 руб.¹⁰⁸

В сходном положении с хумалагцами оказались и жители поселения Карджин. Основано оно в 1830 г. жителями разрушенного князем Абхазовым горного аула Чми. Переселяясь в Карджин, фарсаглаги и кавдасарды дали друг другу клятву, причем принудили к тому же и переселившихся с ними Дударовых: «Жить мирно один с другим и не делать никаких дурных поступков, а если кто не исполнит клятву, то подвергнуть его строгому взысканию и сослать с онога аула в другой»¹⁰⁹. Землю на новом месте и лес также разделили поровну.

Однако через несколько лет Дударовы Карджин переименовали в Дударовский, аульную землю объявили своей, а на жителей наложили подать. «Ныне, — жаловались карджинцы местнику Воронцову, — нам не известно по какому поводу живущий с нами в одном ауле Ильяс Дударов утверждает всем нам, что как земля, так и лес, на койх до настоящего времени мы имеем жительство, собственные его, подаренные ему начальством. Притом делает всем нам разные тяжкие истязания и обиды. Не допускает пользоваться на оной земле сенокосом, хлебопашеством и лесом, сильным образом отнимает у нас сено, лес и другие материалы, чрез что ныне совершенно пришли по до-

¹⁰⁶ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 22.

¹⁰⁷ Там же, л. 22 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 48.

¹⁰⁹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 48.

машинным обстоятельствам в расстройство»¹¹⁰. В отличие от жителей других селений, карджинцы не просили переселять их в другое место, а требовали удаления с их селения ненавистных всем им феодалов Дударовых, «ибо мы чрез их дурные поступки не можем жить вместе».

Антифеодальная борьба особенно острые формы приняла в селениях Скут-кохе и Батакоюрте между жителями и землевладельцами Кундуховыми, бесцеремонно грабившими не только одноаульцев, но и жителей близлежащих селений. В 1839 г. одному из богатых и влиятельных тагаурских феодалов Алхасту Кундухову на южном склоне Кабардино-Сунженской возвышенности, в урочище «Скут-кох», власти отвели 4800 дес. пахотной и сенокосной земли¹¹¹. Земля эта была отведена А. Кундухову за преданную службу в Кавказской армии всех его сыновей — Каспулата, Муссы и Ибрагима. Из них Мусса Кундухов был особенно чтим среди кавказских генералов. Сам командир Отдельного кавказского корпуса генерал Розен подчеркивал это неоднократно, а в 1839 г. он даже предписал Владикавказскому коменданту полковнику Широкову, что «штабс-ротмистр Кундухов настоящею службою заслуживает особенного внимания начальства и я прошу сделать распоряжение об отмежевании ему просимого количества земли на 80 дворов и допустить к переселению к нему вольных фарсаглагов»¹¹².

Хотя, как сказано выше, земля отведена Кундуховым совместно с 80 крестьянскими семьями, это ему не помешало впоследствии объявить ее своей феодальной собственностью. Жить на ней и пользоваться этою землею Кундуховы допускали только тех, которые безропотно признавали над собою полную их власть. Но Кундуховы, пользуясь расположением военных властей, время от времени стали захватывать и земли жителей соседних селений. Документы свидетельствуют о множестве пограничных стычек крестьян с феодалами. Уже в апреле 1840 г. произошло первое вооруженное столкновение с жителями Батакоюрта, во время которого последние сделали попытку убить старшего из сыновей Алхаста прапорщика Каспулата Кундухова¹¹³. В 1842 г. Владикавказский комендант вынужден был направить сюда целую посредническую комиссию, которая в конечном итоге должна была принудить крестьян отбывать поземельную повинность в пользу Кундуховых. Причем, жители Скут-Коха и Батакоюрта свое согласие должны были подтвердить расписками.

Однако летом 1846 г. произошла новая стычка, на этот раз между батакоюртовцами и майором Муссой Кундуховым. По-

¹¹⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 48 об.

¹¹¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 121, л. 11.

¹¹² Там же, л. 12.

¹¹³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 73.

следний прибыл вместе со стражниками к крестьянам прямо в поле, когда они убиралі хлеб и потребовал половинную часть урожая; якобы за то, что весной во время сева они дали на это согласие. Получив категорический отказ, «Кундухов стал нас ругать дурными словами, угрожать нам и оскорблять, за что и произошла драка»,— объясняли батакаюртовцы прибывшему на место происшествия приставу.

Вражда крестьян с Кундуховыми приняла еще более крутой характер. С 1847 г., когда, как объясняли сами крестьяне,— «майор Мусса Кундухов явил еще новый пример в народе». «Пример этот выразился в том,— писали жители Скут-Коха,— что он в 1839 г., поселясь в Кабардинских горах, месте довольно опасном, пригласил нас выстроить общими силами среди аула каменный оборонительный замок для защиты всей деревни, при каком-то держали по очереди дневной и ночной караул по 4 человека. Впоследствии он в замке этом сделал собственный дом¹¹⁴ и лишил нас всякого права на этот замок, принял на себя вид владельца и наложил на нас подати за то, что будто бы мы пользуемся его землею, от чего около 20 семейств принуждены были переселиться отсюда в разные места, которым он не дал ни жилищ, ни дворовых строений. Отнял даже весь засеянный ими хлеб. О том мы неоднократно подавали просьбы, но Кундухов, будучи образованный чиновник, умел убедить местное начальство, так что право осталось на его стороне, а мы, не зная даже говорить на русском наречии, принуждены были замолчать»¹¹⁵.

Итак, на почве усиления феодальных захватов общинных земель в Северной Осетии в 30—40-х гг. резко обострились социальные противоречия. Все эти противоречия в конце концов сходились в чрезвычайно жгучем для осетинского народа земельном вопросе. В его решении столкнулись интересы двух противоборствующих классов феодального общества Осетии и интересы феодально-крепостнического русского правительства.

Для тогдашней Осетии была характерна напряженность социальных отношений. В крае прокатилась целая серия крестьянских выступлений. Правда, эти выступления не вылились в антифеодальное восстание, как это случилось в Южной Осетии. Но фактом остается то, что эти локальные выступления крестьянства были настолько упорными и решительными, что создав весьма накаленную обстановку, могли в любое время перерасти в вооруженное восстание осетинского крестьянства против своих классовых притеснителей. Острота этой борьбы была направлена против местных феодалов. Почва у местных крепостников уходила из-под ног. Как справедливо заметил современник, все чаще в Осетии блистали зарницы общего крестьянского движения.

¹¹⁴ В 1864 г. этот замок вместе с землей М. Кундухов продал казне за 48 000 руб.

¹¹⁵ ЦГА СО АССР, ф. 283, оп. 1, д. 3, лл. 76—77.

ИЗУЧЕНИЕ И ПОПЫТКИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА В ОСЕТИИ 40 — 50-х ГГ.

§ 1. Создание и деятельность правительственных комиссий Г. М. Нестерова и Э. С. Алехина. Попытка правительства и его кавказской администрации разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу казны и осетинских феодалов.

В марте 1845 г. в Тифлис прибыл М. С. Воронцов в качестве наместника Николая I на Кавказе и главнокомандующего Кавказской армией. «С назначением графа Воронцова в преемники генералу Нейдгардту,— писал известный кавказский историк А. П. Берже,— в истории русского владычества на Кавказе начинается новая эпоха»¹¹⁶. По словам того же историка, новое назначение было одобрено как во всей России, так и на Кавказе, «ибо никогда еще дела наши на Кавказе не находились в таком критическом положении, как в ту именно пору». Положение в крае действительно требовало «военного таланта от главнокомандующего» в борьбе «с гениальным владыкою гор Шамилем» и исключительных способностей от наместника по управлению краем.

Остановив свой выбор на Воронцове, Николай I между прочим писал ему в Одессу, где он служил губернатором Новороссийского края: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием проникнутые важностью поручения и моим к вам доверием, не откажитесь исполнить мое ожидание»¹¹⁷.

Прибыв из Одессы в Тифлис, будущий «вождь Кавказа» сразу выехал на Кавказскую линию. Был в северном Дагестане, в Грозном, осмотрел Сунженскую линию, побывал в Нальчике и в заключение прибыл во Владикавказ, где гостил без малого две недели»¹¹⁸. Такую же поездку он совершил по районам Закавказья.

¹¹⁶ АКАК, т. 9, с. 31.

¹¹⁷ АКАК, т. 10, с. 1.

¹¹⁸ АКАК, т. 10, с. 1.

Личное знакомство с военной обстановкой в крае и делами военно-гражданского управления ничего утешительного Воронцову не принесло. Шамиль был «в апогее своего величия», повсюду представители местной власти докладывали наместнику одно и то же — «об усилении стремления здешних помещичьих крестьян к отысканию свободы». «Не скрою от вас, всемилоостивейший государь,— писал он Николаю I,— что ближайшее знакомство с делами более и более удостоверяет меня в многосложности занятий и трудности управления краем»¹¹⁹.

Во время поездки Воронцову было подано множество жалоб, прошений, докладных записок от различных обществ кавказского населения, в том числе и от осетин. Во время пребывания во Владикавказе в апреле 1845 г. к нему обратились с письменными прошениями жители куртатинских селений, алагирцы, галгаевцы, передало коллективное прошение кавдасардское сословие, 10 фамилии тагаурских старшин, жители 13 горных аулов Куртатинского ущелья, жители Джероховского ущелья, ксатнцы, всё фарсаглагское сословие, дигорские баделята, весь «черный дигорский народ», сословия царгасат и гагуат¹²⁰.

Жалобы и прошения продолжали отовсюду поступать в канцелярию наместника и после возвращения графа Воронцова в Тифлис. «По вступлении моем в управление краем,— доносил он царю,— я обратил внимание на непрестанно получаемые мною жалобы помещиков на неповиновение им крестьян, а последних — на неправильное владение ими помещиками. Из собранных по сим жалобам сведений оказалось, что стремление здешних помещичьих крестьян к отысканию свободы до такой степени усилилось, что все присутственные места наполнены делами этого рода»¹²¹.

Северная Осетия не составляла в этом отношении исключение. Вышеприведенная самим кавказским наместником тревожная социальная обстановка лучше всего соответствовала осетинской действительности 40-х годов. Обострившейся классовой борьбой осетинские феодалы были до того встревожены, что они буквально стали умолять правительство и его местные органы о помощи. Они просили поддержать силой оружия их привилегированное феодальное положение в своих обществах, закрепить за ними их сословно-поземельные права по «российскому образу».

Так, в поданном Воронцову 27 апреля 1845 г. во Владикавказе прошении тагаурские феодалы ходатайствовали утвердить

¹¹⁹ АКАК, т. 10, с. 833.

¹²⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 1—152.

¹²¹ АКАК, т. 10, с. 880.

личные их права над крестьянами, а «на земли, занимаемые теперь выдать акты с правом владения ими вечно и потомственно». Пожалуй, это первое коллективное обращение тагаурских старшин к правительству с подобной просьбой. Предшествующие их заявления к царским административным органам носили частный характер и не ставили целью защиту интересов всего господствующего класса в Тагаурии. Растущая изо дня в день борьба крестьян, массовое неповиновение зависимых сословий консолидировали силы и сплачивали ряды тагаурской феодальной знати. Она искала защиты у феодально-крепостного государства и его представителей на Кавказе. «Мы осмеливаемся просить справедливой и законной защиты,— писали тагаурцы Воронцову,— какой только мы можем ожидать от достойного наместника нашего государя на Кавказе и тем уничтожить в сердцах наших невольный страх за неизвестную нашу будущность»¹²². Они тревожно сообщали, что не только фарсаглагги отказываются платить им подать, но даже кавдасарды «берут пример с фарсаглагов и выходят из их повиновения».

Еще больше тревожила их неопределенность их поземельных прав, отсутствие у них законных документов на владение землей. Дело в том, что с переселением на плоскость, ни местные, ни высшие кавказские власти не выдавали осетинским старшинам никаких грамот, не закрепляли земли письменными актами за старшинами. Такое положение было не случайным и вовсе не вытекало из местной конъюнктуры. Это была специальная правительственная установка в решении земельно-аграрного вопроса на Северном Кавказе.

Тагаурцы были обеспокоены тем, что находятся в каком-то «фальшивом положении» в отношении своих земельных прав. Хотя «по милости великого монарха нашего,— писали они,— начали понимать все выгоды жизни и имеем средства пользоваться оными, мы не решаемся приступить к производству прочных хозяйственных обзаведений и построек для жилищ, сомневаясь, что земли нами занимаемые не останутся за нами и все издержки, которые мы будем иметь для такого устройства будут напрасны, бесполезны и очень чувствительны для нас»¹²³.

Второй раз тагаурские старшины обратились к наместнику 1 ноября 1846 г. В своем прошении они с тревогой сообщали: «Споры наши с подвластным черным народом за землю и прочие предметы еще больше усугубляются» и «права наши на собственность начали приходить в упадок... И это не только нас одних пугает,— писали осетинские феодалы,— но все те соседние племена, которые имеют подобные же права над народом:

¹²² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 26 об.

¹²³ Там же, л. 16 об.

Они часто обращаются с вопросами к нам, от чего мы теряем прежние права, делая нам упреки в слабости нашей относительно к своим подвластным, повторяя еще, что их это пугает тем более, что подвластные их, видя живой пример, могут последовать за оным»¹²⁴.

Впервые тагаурские старшины в этом прошении подали Воронцову идею создания специальной правительственной комиссии из благонадежных чиновников и из грузинских и кабардинских князей, «знающих наш старинный быт и передать ей на рассмотрение законных прав наших»¹²⁵.

Главная же просьба старшин состояла в том, чтобы правительство удостоило их звания *тагаурских алдар*, «каковыми титулами пользовались предки... во всех горах Кавказа»¹²⁶.

Просьбы, содержащиеся в ходатайствах куртатинских и алагирских старшин, во многом перекликались с тагаурскими. Красной нитью в них проходила идея юридического закрепления феодальных привилегий на захваченные земли. И затем на зависимое куртатинское и алагирское крестьянство. Так, все 15 пунктов «народных просьб» «уважаемых фамилий» куртатинцев это прежде всего забота о своих феодальных правах на землю и в то же время тревога старшин, «вызванная неповиновением наших холопов». Они ходатайствовали перед наместником «назначить благонадежного чиновника, который привел бы в известность их земли и выдал бы им от имени правительства акт». «Уважаемым фамилиям, называемым старшинами,— просили они,— вернуть уходящих от нас холопов, грузиагов, кавдасардов и утвердить их за старшинами, а наперед, если таковые будут отлучаться от своих господ, то их начальство бы возвращало к нам»¹²⁷.

«Письменные акты на потомственное владение землей и «равные права и преимущества с тагаурцами и куртатинцами» просили у Воронцова и алагирские «сильные фамилии»¹²⁸.

Так, в 40-х гг., в условиях установления и упрочения военной административно-управленческой власти царизма на Кавказе, местная феодальная знать домогалась не только сохранить и консервировать с помощью новой власти, но еще больше развить свои привилегии. Осетинские старшины, например, просили именовать их официально алдарами, а не старшинами, чтобы сам термин, признанный правительством, подчеркивал их владельческие права на землю и на повинности с населения. Это требование законодательного закрепления прав феодалы моти-

¹²⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 17 об.

¹²⁵ Там же, л. 26.

¹²⁶ Там же, л. 27.

¹²⁷ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 5.

¹²⁸ Там же, лл. 8—10.

выводили тем, что в противном случае, ввиду неопределенности прав на владения, у них не будет интереса вести свое хозяйство.

Но Воронцову одновременно подавали свои прошения и горские зависимые сословия. В Осетии ходатайство фарсаглагов включало семь пунктов, семь смелых и конкретных предложений. Просьбы в них — скорее требования к царской администрации. Наиболее массовая и непримиримая с феодальным произволом категория осетинского крестьянства — фарсаглаги — прежде всего настаивали на том, чтобы ей было отведено вне всякой зависимости от старшин, на общинном праве пользования достаточное количество земли и чтобы утвердили «оную за ними письменным актом». Затем рассмотрели их права и признали бы «законом их независимое от старшин положение». Фарсаглаги требовали поселить их обособленно от феодалов, в Северо-восточной части Владикавказской равнины и назначить к ним особого пристава¹²⁹.

Ясно и недвусмысленно заявили кавказскому наместнику о своих повседневных нуждах и классовых требованиях и другие крестьянские сословия. Кавдасарды 26 апреля 1845 г. писали князю Воронцову, что они солидарны с фарсаглагским обществом в главном для крестьян вопросе — земельном, и просили: «... Когда будет общее разделение земли, то приказать уделить и нашему кавдасардскому обществу такой же отдельный участок земли по усмотрению числа дворов и тем дать нашему обществу твердую оборону к независимому жительству»¹³⁰. Кавдасардское сословие, находящееся в большей социальной зависимости чем фарсаглаги, в 40-х гг. еще не ставило вопрос о получении личной от феодалов свободы, как об этом решительно заявили их братья по классу, фарсаглаги. Получение в будущем земли кавдасардами не влияло на их правовое положение. По-прежнему «кавдасарды должны были жить там, где приказывали им владельцы, исполнять работы по их же произволу», даже при наличии у них собственной земли.

Таким образом, в начале 1845 г. различные социальные силы в Осетии довольно ясно и полно высказали новой власти свои взгляды на плоскостную землю и свои классовые претензии друг к другу. Из поданных прошений, жалоб и докладных записок представители высшей кавказской администрации вынесли определенное заключение — о «ненормальной» социальной обстановке в Осетии.

Упрочив свои позиции в Северной Осетии, царское правительство решило выяснить во всей конкретности эти социальные отношения в осетинских обществах. Исследование общественного строя осетин, обычного права горцев поручалось то мест-

¹²⁹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 33—35.

¹³⁰ Там же, л. 12.

ным начальникам, то специально посланным чиновникам, которые выполняли эту задачу посредством личных «исследований», расспросов и показаний стариков, хорошо знавших общественный строй в стране.

Наставляя одну группу чиновников, которая отправлялась в Осетию со специальной миссией «добыть и представить соображения, которые бы служили основанием для принятия здесь разных административных мер», начальник штаба Кавказской армии генерал Коцебу говорил им: «Я предлагаю теперь же отправиться в крепость Владикавказ и заняться собиранием из подлежащих источников, значащихся в прилагаемой программе сведений. Они могут быть истребованы вами от местного военного начальства и добыты личными вашими исследованиями. Всеми сведениями, какие получите на месте чрез расспросы тех или других лиц, надлежит пользоваться с крайнею осмотрительностью, удостоверяясь предварительно в их верности и путем строгой критической их оценки»¹³¹.

Более одного года длилась подобная «исследовательская» работа в Осетии. Присланные из Тифлиса чиновники, при активном содействии местных военных властей, побывали во всех соседних осетинских обществах, беседовали с видными представителями сословий и на основании своих наблюдений составили довольно пространную докладную записку. К сожалению, нам не удалось обнаружить черновых записей последних. Бесспорно, что эти записи были полностью использованы Ф. И. Леонтовичем в «Адатах кавказских горцев»¹³². Сама же докладная записка, несомненно, внесла в значительной степени ясность в умы заинтересованных кавказских администраторов об Осетии и, в частности, о теперешней в ней социально-политической обстановке.

Совокупный анализ всех принятых административных мер по отношению к Осетии сразу же после этой докладной записки позволяет нам высказать убеждение, что как сам Воронцов, так и вся его администрация были весьма обеспокоены обстановкой в этом районе Кавказского наместничества. Летом 1846 г. здесь уже были проведены административные изменения, направленные прежде всего на значительное усиление власти местных начальников. Осетия была преобразована во Владикавказский военный округ с включением в последний Ингушетии, Западной Чечни и Малой Кабарды. Комендант Владикавказской крепости генерал Нестеров назначался начальником округа. В его руках концентрировалась вся военная, административная, полицейская и судебная власть в округе. Были образованы новые приставства, причем, административно-полицейская власть

¹³¹ ЦГА Гр. ССР, ф. 7, оп. 1, д. 107, л. 19.

¹³² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883.

приставов и их помощников расширилась, усиливалась и роль сельских властей, старшин в первую очередь¹³³. Основная линия поведения царизма в укреплении своих позиций в Северной Осетии была рассчитана на приближение к себе старшин.

В конце ноября 1846 г. генералу Нестерову было предписано от наместника: «Собрать во Владикавказе под председательством в.п. особую комиссию для разбора прав разных сословий и определить оные сообразно с настоящим положением края»¹³⁴. В предписании перечислялись и имена членов комиссии: главный пристав горских народов полковник Авалов, командиры Горского и Владикавказского казачьих полков полковник Ильинский и подполковник князь Эрстов, офицер главного штаба войск полковник Казбек и несколько кабардинских князей. Время открытия должен был определить сам председатель комиссии.

Нестеров прежде всего уведомил членов комиссии, приказав им явиться во Владикавказ ко дню ее открытия, т. е. к 20 марта 1847 г. Далее, он велел приставу горских народов ротмистру Есенову отобрать из осетин депутатов в комиссию.

19 марта, через приставов было обнародовано «Торжественное обращение к осетинскому народу». В нем начальник округа сообщал, что в прошедшем 1845 г. и 1846 г. разные сословия подавали главнокомандующему прошения, в которых, излагая положение свое и взаимные отношения, ходатайствовали об утверждении за ними владемых ими земель и определении своих сословных прав. «Ныне,— писал он,—наместник постоянно пекущийся о благоустройстве вверенных правлению его народов, внимая такой просьбе осетин, приказал теперь составить под председательством моим особый комитет, и поручил ему рассмотреть во всей подробности как права сословий, так равно и то, что относится до их поземельных владений»¹³⁵. Нестеров приглашал население Осетии содействовать работе комиссии предоставлением всех нужных ей сведений.

20 марта 1847 г. в довольно торжественной обстановке открылось первое заседание комиссии, на котором отсутствовали некоторые ее члены: полковник Авалов, кабардинские князья Джамбот Доксухин и Мисост Наурузов. От осетин на заседании присутствовали: от старшин — ротмистр Мусса Кундухов и престарелый поручик Габис Дударов; от фарсаглагов — поручик Гака Кусов и прапорщик Цуки Козыров; от кавдасардов — прапорщик Хусина Баев и Одже Аликов¹³⁶. Заседание было посвящено организационным вопросам, в частности, было

¹³³ АКАК, т. 10, с. 2.

¹³⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 29.

¹³⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 58.

¹³⁶ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 56.

принято решение собираться по четным числам каждого месяца.

Однако вскоре произошли события, которые значительным образом повлияли на работу комиссии. Буквально на второй день 21 марта по всем войскам Кавказской линии была объявлена тревога. Шамиль с большим отрядом горцев в районе Татартупа, станицы Змейской и Эльхотова прорвался к Тереку и овладел на значительном расстоянии Военно-Грузинской дорогой. По дороге прервалось всякое сообщение. Шамиль далее намеревался занять Владикавказ, затем двинуться в Кабарду¹³⁷. Полковник Ильинский и князь Эрнстов срочно вернулись в свои полки, сам генерал Нестеров с войском выступил на Сунжу, где безвыездно пробыл в течение всей весны и лета¹³⁸. Работа комиссии заглохла.

Во Владикавказ Нестеров вернулся лишь в октябре, но и тогда не возобновил работу комиссии. Отвечая об этом начальнику главного штаба, он писал: «Ныне с роспуском действующих войск, я мог бы заняться разбором довольно сложных дел тагаурцев, но прежде приступил к окончанию не менее важного и не терпящего отлагательства дела об устройстве Владикавказского казачьего полка и вновь открыл действия составленного по этому случаю комитета под моим председательством и как только это дело окончится, тотчас же приступлю к делу тагаурцев»¹³⁹.

Между тем, социальная атмосфера в осетинских селах все колебалась. Феодалная знать, поощренная объявлениями председателя комиссии и предвидя, в связи с этим, скорое исполнение своих вожделений, повсеместно усилила произвольные захваты земель и создала нетерпимую обстановку для крестьян. Знать вообще объявила всю равнинную землю старшинской. Она распускала слухи, что в скором времени комиссия генерала Нестерова закрепит эту землю за нею документально. Слухи эти привели в движение весь народ. Среди одних царила тревога, других — растерянность. 16 октября 1847 г. фарсаглаги и кавдасарды всех тагаурских, куртатинских и алагирских селений подали Воронцову коллективное прошение. «Хотя по нашим просьбам, — писали они, — и был назначен весной комитет, но он не приносит нам удовлетворение. А между тем споры наши за землю со старшинами усугубляются. Они нагло присвоили себе почти всю землю во Владикавказском округе в разных местах ими занятую, отчего в народе возникло всеобщее кровавое междоусобие»¹⁴⁰.

¹³⁷ Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, с. 120—121.

¹³⁸ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 65 об.

¹³⁹ Там же, л. 74, об.

¹⁴⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 75.

Октябрьское обращение крестьян к наместнику примечательно еще и тем, что в нем зависимые сословия сделали попытку вбить клин между правительством и тагаурскими старшинами, наивно надеясь вызвать недоверие к последним. «Если сказать правду,— писали крестьяне,— то они (старшины—Б. Б.) сколько полезны для правительства, столько же вредны... Из них много есть таких неблагонадежных, которые имеют сношение с непокорными горцами, принимают к себе абреков с партиями, скрывают у себя людей Шамиля»¹⁴¹.

В ноябре комиссия Нестерова возобновила свою работу, а в конце 1847 г., когда она собрала достаточно сведений, Нестеров адресовал наместнику пространный рапорт. Защищая политику царизма в сословном вопросе, он представил на заключение высшего начальства свой план решения этого вопроса в Осетии. В нем он предлагал уважить просьбу 11 старшинских фамилий и именовать их алдарами или тагаурскими дворянами со всеми вытекающими отсюда правами, «потому что действительно название старшин для них обидно, ибо вообще старшинами в крае называются люди иногда из самого низшего происхождения... Пробная милость,— писал он,— весьма бы польстила тагаурским старшинам»¹⁴².

Председатель комиссии в своем рапорте отметил все сомнения относительно общественного строя в Осетии, его классового состава. Признавая в Тагаурии феодальный строй, а тагаурских старшин равными дворянскому сословию, Нестеров настаивал на скорейшем законном оформлении их «прав над народом». Так, комиссия и ее председатель в сословном вопросе шли навстречу сокровенному желанию осетинских старшин.

Более сложным для Нестерова и комиссии оказался земельный вопрос. Решая его, Нестеров прежде всего должен был руководствоваться интересами правительства, целями его политики на Кавказе. Наконец, «настоящим положением края». Первым долгом Нестеров предлагал высшей кавказской власти объявить равнинную землю в Осетии казенной. «Земля эта,— писал, он,— по всем правилам должна быть в полном распоряжении правительства», ибо «из собранных фактов видно, что собственности у тагаурцев на плоскости никогда не было»¹⁴³. Советуя наместнику отказать старшинам в их просьбе, относительно закрепления за ними законным порядком просимые земли, Нестеров учитывал волю и самого Воронцова, писавшего ему, Нестерову, еще в ноябре 1846 г.: «В выгодах правительства отложить решение этого вопроса впредь до наделения земель казачьих полков и до окончательного устройства Военно-

---

¹⁴¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 76

¹⁴² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 80.

¹⁴³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 24 об.

Грузинской дороги и Сунженской линии»¹⁴⁴, то есть до наделения 24 казачьих станиц землей.

В своей докладной записке генерал Нестеров подтверждал факт значительной классовой вражды в Осетии. «Вражда эта, — доносил он, — с 1836 г. ознаменовывается кровавыми происшествиями». И «чтобы успокоить сословия, нет другого средства, как поселить фарсаглагов отдельно от старшин»¹⁴⁵. Так, чтобы как-то притупить классовый антагонизм в осетинском обществе, начальник округа призывал краевую администрацию поступиться интересами господствующих сословий — признать фарсаглагов независимыми от них и содействовать их отдельному поселению.

13 декабря 1847 г. проект Нестерова был утвержден Воронцовым. Из него исключался разве только главный вопрос — об отдельном поселении фарсаглагов от старшин. По мнению наместника, вопрос этот нуждался в дополнительном обсуждении, в частности, необходимо было определить пространство, куда переселить фарсаглагов. Предложение Нестерова, купить для этого земли у крупного кабардинского землевладельца Бековича-Черкасского, не нашло поддержки в кругах высших краевых властей. Нестерову было приказано изыскать для этого другие возможности.

В целом, утвержденный проект должен был стать основой всей последующей деятельности комиссии. В феврале 1848 г. решение наместника Воронцова об именовании старшин алдарами было обнародовано. Работой комиссии кавказская власть была довольна. Это не раз подчеркивал сам Воронцов. Нестеров «за доставление им любопытных и основательных сведений по Осетии» был удостоен благодарности.

Зато реакция населения в Осетии была весьма разноречивой. Тагаурские старшины присвоение им алдарского звания рассматривали как первый успех, как начало юридического оформления их в дворянском достоинстве. Хотя земельный вопрос для них не был решен комиссией так, как хотелось бы им, тем не менее они не без основания считали, что «с получением алдарских титулов поземельные претензии их, владельческие права их на равнинную землю сами по себе теперь утвердятся»¹⁴⁶. Понятно поэтому, что старшины остались довольны работой комиссии Нестерова.

Совершенно по-другому реагировал простой народ. Введением в Осетии института алдарства крестьянские сословия были весьма обеспокоены. «Переименование тагаурских старшин в алдары сильно подействовало на умы черного народа»¹⁴⁷, —

¹⁴⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 28 об.

¹⁴⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 14.

¹⁴⁶ Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 109.

¹⁴⁷ Там же, л. 110.

писали 16 марта 1848 г. жители ряда тагаурских селений. Уже в самый момент объявления решения комиссии в целом ряде селений — в Батакаюрте, во Владикавказском осетинском ауле, в Гизельских аулах и в Карджине — произошли «сильные беспорядки».

Борьбу против алдарства в Осетии возглавляло по-прежнему фарсаглагское общество. 28 марта 1848 г. по инициативе предводителей этого общества в сел. Кардиусар состоялось «полное собрание» фарсаглагов всех селений плоскостной Тагаурии¹⁴⁸. На нем был составлен коллективный протест. Собрание поручило Петру Жукаеву, Егору Тарханову, Бада Кадиеву, Хамурза Албегову, Габа Борукаеву¹⁴⁹ от имени всех фарсаглагов вручить этот протест начальнику округа. «Из объявленного народу, — говорилось в нем, — стало известно, что просьба тагаурских старшин принята во внимание и они переименованы в алдары. Мы же правительством позабыты». Фарсаглаги грозно требовали: «Почему наши просьбы, поданные его сиятельством, в одно время с тагаурцами, остались без уважения?.. Неужели мы и после пролитой нашей крови, единственно для преданности России, не искупили еще внимание правительства?! Мы не можем оставаться равнодушными и покойными...¹⁵⁰ Они потребовали от начальства скорейшего отделения их от алдар и тем положить конец «совместному с алдарами в их аулах жительству». Они представили конкретный план, где и как образовать чисто фарсаглагские аулы. Предлагалось три района: Батакаюрт, Эльхотово и, наконец, Заманкул¹⁵¹.

Вслед за фарсаглагами свое недовольство выразило и кавдасардское общество.

А в апреле Нестерову одновременно принесли свою жалобу доверенные 900 дворов алагирских и 600 дворов куртатинских жителей. В них также выражено недовольство результатами работы комиссии генерала Нестерова.

В целом все крестьянство Осетии выступило против комиссии. Окружная администрация готова была беспощадно подавить крестьянское недовольство. Однако в условиях такого массового недовольства власти побоялись прибегнуть к крайним мерам. Была избрана тактика «кротких мер»: лавировать, давать обещания, чтобы обмануть народ, успокоить и усыпить его бдительность. Чтобы подорвать сплоченность фарсаглагской оппозиции и расколоть ее, Нестеров пообещал нескольким влиятельным фарсаглагским фамилиям исходатайствовать у наместника узденского звания.

¹⁴⁸ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 89.

¹⁴⁹ Вышеупомянутое собрание фарсаглагов было создано по их инициативе.

¹⁵⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 89 об.

¹⁵¹ Там же, л. 114.

В апреле 1848 г. он писал начальнику штаба, что к нему поступила просьба от трех фамилий: Кусовых, Козровых и Дзгоевых — «о присвоении им названия более почетного от других горцев». Нестеров эти фамилии характеризовал как «сильнейшие в обществе фарсаглагов и более других преданных правительству и заслуживающих нашего уважения»¹⁵². Воронцов не только согласился с ходатайством Нестерова, но собственноручно довел список фамилий до семи (Козровы, Кусовы, Албеговы, Тархановы, Бзаровы, Жукаевы, Кадиевы). Представителям этих фамилий, имеющих офицерские чины, было присвоено звание горских узденей, «не называя степени»¹⁵³. Звание это присваивалось потомственно.

Фарсаглагам давались обещания и иного характера: о скором их отделении от алдар, в походах и экспедициях не подчинять их милиционеров офицерам из алдар, быстрее продвигать их в службе и т. д.

В создании института узденства для фарсаглагов, отмечал кавказский наместник, «была и немаловажная политическая потребность». Дело в том, то в 50-х годах резко усилились оппозиционно-сепаратистские настроения в реакционных кругах мусульманской горской знати, в том числе и в среде алдарбаделятской верхушки. Это вынуждало царизм и краевую его администрацию отказываться от традиционной политики поддержки реакционной части горской феодальной знати. Возникла потребность создания и в осетинских обществах прослойки богатых крестьян. Правительство искало их в осетинском офицерстве, горской милиции и духовенстве, большинство которых в Осетии были выходцами из фарсаглагов. Такая прослойка богатых крестьян и служивых людей также должна была, по замыслам администрации, стать опорой царизма в горских обществах.

Комиссия Нестерова в своей работе не касалась сословно-поземельного вопроса в Дигории. Она в 1846 г. не вошла в состав Владикавказского округа и по-прежнему оставалась в ведении начальника Центра Кавказской линии.

А между тем положение дел в этом районе Осетии больше всего беспокоило и тревожило царскую администрацию. Дигорские старшины не ограничились двукратной подачей прошений князю Воронцову и в 1848 г. вновь снарядили специальную депутацию в Петербург во главе с тем же генералом Асланбеком Тугановым. Пользуясь связями последнего и довольно высоким его положением в столице, депутаты дигорских баделят снова имели «счастье представиться Е.И.В.» и поднести «покорнейшее прошение». «Находясь в безызвестности о будущем своем»,—

¹⁵² ЦГА СО АССР, ф.233, оп. 1, д. 4, л. 89 об

¹⁵³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 11, л. 3.

писали дигорские старшины Николаю I, — мы пришли в какое-то колебательное состояние и даже не можем серьезно приступить к улучшению материального быта своего»¹⁵⁴.

Прошение включало три пункта: именовать их вместо старшин узденями I-й степени, привести в подданство их подвластных, «которым приказать платить все дани издревле ими платимые», размежевать родовые участки их земель с выдачей им актов на потомственное владение¹⁵⁵.

Разобрать просьбы дигорских старшин и принять соответствующие по ним меры Николай I поручил Воронцову. Последний в сентябре 1848 г. предписал начальнику Центра полковнику Эристову срочно, «по возможной скорости», разобрать дело дигорцев и представить свои соображения. В этом рапорте новый начальник Центра с тревогой сообщал наместнику о чрезвычайно напряженной социальной обстановке в Дигории. «Дигорский вопрос, — писал он, — представляет собой сложный лабиринт и вот уже несколько лет занимает умы здешних начальников, создавая для них множество запутанных хлопот»¹⁵⁶.

Что же касается «до просьб дигорских баделят к государю императору, то как все эти вопросы слишком сложны и требуют особенно внимательного рассмотрения, — писал далее он Воронцову, — я мнением своим полагал бы учредить для этого особую комиссию»¹⁵⁷. Такая комиссия «для разбирательства прав дигорских старшин и черного народа» в составе командира Донского казачьего полка подполковника Попова, майора Наттера, секретаря Кабардинского суда Дадышева открыла свои действия в марте 1849 г. в Нальчике. Председателем ее был назначен новый командир Горского казачьего полка полковник Э. С. Алехин.

Комиссия Алехина должна была детально разобраться в словных отношениях дигорцев, в степени и формах эксплуатации зависимого крестьянства баделятами, в правах феодалов и их власти над народом.

Справедливости ради нужно отметить, что работа комиссии в этом отношении была довольно тщательной. В Нальчик вызывались представители как от дигорского крестьянства, так и от баделят. В комиссии были заслушаны отдельно показания депутатов простого народа, жившего в горах, а также на плоскости, и представителей «дигорских первостепенных дворян и старшин». Так как показания крестьян и дигорских «дворян» расходились, то устраивались между ними очные ставки. В целях полного уточнения взаимоотношений между сословиями, комис-

---

¹⁵⁴ ЦГА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 23.

¹⁵⁵ Там же, лл. 23—25.

¹⁵⁶ ЦГА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 81.

¹⁵⁷ Там же, л. 26.

сия требовала письменных ответов на заранее составленный комиссией вопросник.

Комиссия Алехина закончила свою работу в декабре-месяце. На основе собранного материала председатель ее составил и представил начальнику Центра докладную записку со всеми выводами и рекомендациями комиссии¹⁵⁸. Работой комиссии Эристов остался весьма доволен и в основном одобрил выводы ее.

Зато содержание докладной записки Алехина и рапорт самого Эристова получили резкое осуждение и вызвали недовольство заместника. Начальник главного штаба в частном письме сообщал генералу Завадовскому, что «его сиятельству был весьма разгневан по неудовлетворительности предположений комиссии..., назвав их каким-то каламбуром». Комиссия, например, считала бесспорным, что 7 фамилий дигорских баделят и все царгасатские фамилии составляют высший класс Дигории и разумеется достойны возведения в ранг «первостепенных дворян или по местному обычаю узденя первой степени». А так как это будет «обидно» другим сословиям и от этого «взаимная неприязнь не только не окончится, а возможно еще больше усугубится», то она предлагала присвоить звания узденя всем дигорским сословиям: баделятам и царгасатам — первой степени, гагуатам — второй степени, адамихатам — третьей, а кумаятам — узденя четвертой степени.

В докладной записке председателя комиссии и в рапорте самого князя Эристова не определялись степень личной и земельной зависимости черного народа. Не сказано ничего в них и о земельных отношениях и, самое главное, не разъяснен в них вопрос — имеют ли право дигорские адамихаты на отдельное от баделят поселение.

Таким образом, работа нальчикской комиссии не привела к принятию каких-то законодательных актов ни по сословному, ни по земельному вопросам в Дигории. Материал, собранный комиссией, а главное, выводы ее не воплотились в жизнь, ибо, как выразился один чиновник не вполне «отвечали видам правительства». Поэтому «дигорский вопрос», как увидим ниже, еще долго будет «занимать умы здешних начальников».

§ 2. Сословно-поземельные комиссии Н. Г. Вревского и Н. П. Шостака и результаты их работы.

Работу комиссии Нестерова с начала 1848 г. снова стало лихорадить. Собиралась она редко, от случая к случаю. С большим трудом удавалось председателю комиссии собрать всех ее

¹⁵⁸ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, лл. 1—10 об.

членов, даже когда это диктовалось необходимостью подписать принятые уже решения. Член комиссии князь Эристов с назначением его начальником Центра Кавказской линии вообще переехал из Владикавказа в Нальчик, а полковник Авалов только летом мог принимать участие в работе комиссии, так как в остальное время года дорога через перевал была закрыта. Поэтому Нестерову все чаще приходилось самому принимать решения за комиссию. К тому же предметом своей главной работы комиссия избрала мелкие, второстепенные вопросы, что же касается решения главных, таких проблем, как земельная и отдельное поселение фарсаглагов, то она намеренно обходила их стороной. Возникли также разногласия по целому ряду аспектов работы комиссии между Нестеровым и командующим войсками Кавказской линии генерал-лейтенантом Завадовским. Поводом для конфликта между двумя генералами послужили разногласия в вопросе о присвоении фарсаглагам узденского звания. Последний считал «по крайней мере легкомысленным давать пачками это звание целым группам горцев». Фактически же, как вспоминали современники, отношения между «умеренным, либеральным по натуре, Нестеровым» и «крутонравным войкой Завадовским» стали портиться раньше, с того самого времени, когда генерал Нестеров стал начальником Владикавказского округа и «в вопросах гражданского устройства горцев» стал обходить мнение своего непосредственного начальника, командующего войсками генерала Завадовского.

Завадовский стал внушать наместнику Воронцову, что по существу никакой сословно-поземельной комиссии во Владикавказе уже нет, что она существует только на бумаге и «находит совершенно неудобным принимать какие-либо начальственные меры в отношении предоставления осетинам каких-то прав и званий на основе собранных сей генералом (Нестеровым.— Б.Б.) данных»¹⁵⁹. Он убеждал Воронцова, «что лучше назначить во Владикавказе вместо уже не существующей тагаурской комиссии новый комитет для всех горцев»¹⁶⁰.

В ноябре 1848 г. по указанию Воронцова комиссия Нестерова была закрыта. Сам генерал Нестеров назначался начальником Левого фланга Кавказской линии. На посту начальника Владикавказского округа его сменил командир Владикавказского казачьего полка полковник Ильинский. Под его же председательством должен был открыться свои действия новый комитет «по разбору личных и поземельных прав туземцев всего Владикавказского округа». Однако Ильинский ответил отказом на предложение Завадовского возглавить новый комитет.

Комитету предстояло обсудить земельный вопрос в Осетии

---

¹⁵⁹ ЦГА Гр. ССР, ф. 77, оп. 11, д. 4, л. 53.

¹⁶⁰ Там же, д. 68.

и представить свои соображения главнокомандующему об отдельном поселении фарсаглагов, отыскать на территории округа земли, где можно было бы разместить фарсаглагские селения. Чтобы выполнить «эти многосложные задачи,— писал Ильинский генералу Завадовскому,— необходимо дать комитету такой состав, чтобы председатель и его члены имели достаточные сведения к цели их назначения и довольно времени к тем соображениям, по которым утвержденное заключение комитета войдет уже в силу законного акта»¹⁶¹. Новый начальник округа считал, что так как он, по специальности чисто военный человек, то едва ли сможет возглавить комитет, призванный решить земельный вопрос. «Нет у меня ни времени, ни необходимых данных для этого»—убеждал он Завадовского. «Я,— писал он в апреле 1849 г.— в лучшем случае могу быть только членом в комитете»¹⁶².

Началась долгая и никому не нужная переписка с различными инстанциями о составе комитета и его председателе, продолвшаяся почти два года. Выдвигались кандидатуры различных военных деятелей Кавказской армии, среди которых был полковник Эристов, командир ставропольского егерского полка генерал Навицкий, генерал Хлюпин и другие. Закончилась эта бюрократическая канитель тем, что в июне 1850 г. Ильинский был снят с должности начальника округа и переведен в действующую против горцев армию, а на его место начальником Владикавказского военного округа был назначен командир Навагинского полка генерал барон Вревский, «человек необычайной энергичности, давно служивший на Кавказе и знакомый с бытом горцев». Ему и было поручено под своим председательством открыть новый комитет во Владикавказе с 15 июня 1850 г. в составе начальника округа, начальника Центра, нескольких чиновников и депутатов осетинских сословий.

В качестве первоочередной задачи комитету предлагалось заняться делами переселения фарсаглагов из алдарских аулов. В этом вопросе комитет Вревского отказался от предложенного в проекте Нестерова плана размещения фарсаглагских селений в Малой Кабарде, на землях кабардинского помещик Бековича-Черкасского.

Дело в том, что правительство действительно купило часть дачи этого помещика, то есть 32 779 дес. из 98 511 дес. с целью поселения на этой земле казаков Сунженского полка. Генерал Нестеров рассчитывал часть этой купленной у Бековича-Черкасского земли употребить и для наделения осетин, в частности, фарсаглагов. Но по подсчетам комитета Вревского оказалось, «что 327 779 дес. едва ли достаточны для наделения одного

¹⁶¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 38 об.

¹⁶² Там же, л. 64 об.

Сунженского полка и, следовательно, из этой земли нет возможности и клочка предоставить для поселения осетин»¹⁶³.

Таким образом, у комитета оставался один выход: «изыскать возможности для поселения тагаурских фарсаглагов внутри самой осетинской территории, на землях, лежащих между рекою Терекон, Кабардинскими горами и рекою Камбилеевкою», т. е. в районе правого берега Терека, где к тому времени уже было 15 осетинских и два ингушских аула. Поэтому комитету предстояла большая работа. Он должен был определить всю земельную площадь Правобережья, количество аулов, число дворов в каждом из них, размер каждой аульной дачи. Наконец, взять на учет всю спорную землю.

Попытки Вревского добыть эти данные в Управлении Владикавказского округа и тем самым облегчить и ускорить работу вверенного ему комитета ни к чему не привели. Окружное управление не располагало такими данными. Вревскому пришлось доставать эти сведения силами членов комитета. Однако сословно-поземельный комитет в настоящем своем составе естественно не в силах был проделать такую сложную работу. Нужны были специалисты. Штабс-капитан Радич, единственный топограф в комитете, не мог справиться с этой задачей, к тому же, по характеристике самого генерала Вревского, он обнаружил полную неосведомленность в предстоящих занятиях.

В августе 1850 г. Вревский вошел со специальным рапортом в штаб Кавказской армии, в котором просил прислать в его распоряжение «более опытного офицера с группой топографов, который бы привел в положительную известность земли вообще Владикавказского округа, а вместе с тем и народонаселение и рассчитал бы: недостаточно ли будет сих земель для наделения всех фарсаглагских жителей и кавдасардов округа»¹⁶⁴. Таким опытным офицером оказался поручик Герасимов из Корпуса топографов штаба армии. Вместе с 12 другими топографами он прибыл во Владикавказ в сентябре 1850 г. Получив инструкцию о предстоящей работе, отряд топографов в сопровождении пристава, переводчика и конвоя из осетинских милиционеров и казаков 8 сентября отправился на правый берег Терека и немедленно приступил к нужным работам и прежде всего к вычислению количества земли каждого аула в этом районе. 7 октября была работа здесь была закончена.

Обрадованный «столь усердными действиями топографа Герасимова» и в целом его отряда генерал Вревский решил сразу же, не упуская удобной возможности, провести такие же работы и на остальной территории Осетии. «Я имею честь,— писал он Воронцову,— покорнейше просить в.с. разрешить мне привести

¹⁶³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 40.

¹⁶⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 9, л. 7.

в ясность и земли на левом берегу Терека, начиная от Владикавказа, до границ дигорских земель по подножью хребта, а если позволительно, то и земли в самих горах, которыми владеют аулы осетин — общества алагирских, куртатинских и тагаурских. Я нахожусь в совершенной неизвестности на счет количества земли, владяемой ими»¹⁶⁵. Вревский просил разрешения поручить и эту работу отряду топографов во главе с поручиком Герасимовым.

Такое разрешение наместник дал, но «с осторожностью, дабы не возбудить какие-либо толки в народе. Что же касается до земель в горах алагирских, куртатинских и тагаурских осетин, то их только обозреть, ибо эти земли составляют родовые участки и их нельзя иметь в виду для вознаграждения других»¹⁶⁶.

О проведенных работах Герасимов представил на имя председателя комитета обстоятельные отчеты. В них впервые приводятся цифровые данные о количестве земли и населения в Осетии и в отдельных ее районах и обществах. Причем, не верить этим ценным для нас данным нет никаких оснований. Герасимов был опытным топографом, к тому же одним из добросовестных землемеров, какие только были на Кавказе в прошлом столетии. Самые важные и ответственные задания военной и гражданской топографии поручались только ему. Дослужив до чина генерала и командира Корпуса топографов, Герасимов в 1881 г. ушел в отставку.

По данным Герасимова весь земельный фонд Осетии, включая Дигорию и части Алагирского ущелья, состоящий из 130 252 дес. плоскостной и 128 100 дес. горной земли, к 1850 г. распределялся следующим образом. Тагаурское общество, состоящее из 19 тыс. душ мужского и женского пола на плоскости и 7 тыс. душ в горах¹⁶⁷, занимало земли 100 115 дес. Из них на плоскости 51 615 дес., в горах у тагаурцев земли удобной под пастбище, сенокосы, хлебопашество и под лесом было 47 800 дес. и 8 500 дес. под голыми скалами и вечными снегами¹⁶⁸. Куртатинское общество, насчитывающее около 6 тыс. душ обоего пола на плоскости и 4,5 тыс. душ в горах, занимало на плоскости 14 900 дес. (в числе которых 6 500 дес. под лесом и болотами), а в горах у куртатинцев земли удобной 33 000 дес., в том числе 14 300 дес. под лесом. Алагирское общество, без Наро-

¹⁶⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 8, л. 38.

¹⁶⁶ Там же, л. 48.

¹⁶⁷ Численность населения в «обществах» Осетии дана в отчетах ориентировочно.

¹⁶⁸ По словам самого Герасимова, данные о количестве земли в нагорной Осетии «надо считать приблизительными», вычислены на карте, так как «наступившие холода сделали поездку в горы опасной».

Мамисонского, Закинского и Зругского обществ, где жителей было 4 тыс. душ на плоскости и около 5,5 тыс. в горах, имело равнинной земли 8 620 дес. и в горах удобной земли занимало 46 600 дес., в том числе 18 000 дес. под лесом.

Казачьи станицы, насчитывающие в 1850 г. 6 800 душ мужского пола, занимала на плоскости 50 957 дес., в том числе 5 460 дес. на правой стороне Терека, и 45 452 дес. на левой. Постанично этой земельной площадью владели: Владикавказская — 6 386 дес., Архонская — 6 914 дес., Ардонская — 8 460 дес., Николаевская 11 975 дес., Змейская — 10 345 дес. и Горная станица — 6 000 дес.

Войска Владикавказского гарнизона занимали 4 160 десятин¹⁶⁹.

На основе собранных таким образом данных о количестве земли и сведений о сословном строе в трех осетинских обществах, комиссия Вревского составила проект размежевания плоскостной земли в Осетии и в марте 1851 г. председатель представил ее на утверждение Воронцову. Этот проект состоит из 10 пунктов. В сущности, комитет Вревского исходил из тех же положений, что и комитет Нестерова.

Прежде всего, равнинная земля в Осетии Вревским также объявлялась казенной. «Положить началом,—советовал он,—что вся земля принадлежит правительству и по распоряжению оного все аулы и сословия будут наделены участками земли»¹⁷⁰. Вревский считал, что «раз тагаурские алдары правительством признаны высшим сословием, то дать им на душу большее количество земли против других в виде особого внимания и милости к ним». «Отведенную им землю,—заключал он,—считать их собственностью, которую они могут отчуждать»¹⁷¹.

Комитету Вревского отлично было известно, какую бурную реакцию вызвали со стороны простого народа попытки прежних комиссий разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу алдаро-баделятской знати. Поэтому, желая избежать этого и «восстановить к себе народное доверие», Вревский пошел на некоторое ущемление прав осетинской знати. Хотя, писал он, алдары имеют сословные права над простым народом, но эти права, по мнению Вревского, «уже обветшали и в новых условиях жизни они лишены своего прежнего смысла. Их можно и должно было нарушить правительству, чтобы ослабить остроту классово-борьбы. С этой целью фарсаглагам и кавдасардам, по проекту Вревского, разрешалось поселяться отдельно от алдар. «В выгодах правительства,—писал он,—по возможности содействовать этому отдельному поселению сословий. Фарсагла-

¹⁶⁹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 8, лл. 57—61.

¹⁷⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 20.

¹⁷¹ Там же, л. 28.

ги—класс самый многочисленный и самый преданный правительству и всего ожидающий от правительства. Этою мерою призналась бы независимость фарсаглагов и кавдасардов, что в сущности действительно есть, но чего не признают алдары, упиравсь на старинные права, изменившиеся с давних времен»¹⁷².

Далее, Вревский предлагал оставить без внимания претензии алдар взимать с фарсаглагов поземельные повинности, «ибо на плоскости алдары поземельной собственности не имеют, а только пользуются землею по указанию правительства». Но чтобы не «возбудить негодование у старшин», и главное, «для ограждения убытков их за потерю прав над простым народом», можно алдарам дать вознаграждение «соразмерно с личными заслугами правительству».

Дабы прекратить спор осетинских алдар с казной по поводу наследственных прав своих на плоскостную землю, комитет советовал наместнику разрешить аулы впредь называть только по урочищам, а не по имени алдар, так как это давало последний повод объявлять эту землю наследственной.

Вревский спрашивал кавказского наместника, какого принципа придерживаться комитету при земельном разделе вообще: «взять ли количество земли во Владикавказском округе и целое поселение округа, или, оставив настоящие границы обществ, населить в них жителей по числу душ?» В последнем случае, сообщает он, не во всех обществах будет одинаковым среднедушевой надел земли: в тагаурском — 11,5 дес., в куртатинском — 14 дес., а в алагирском — 9 дес.

В заключение, Вревский оставлял за комитетом право «сообразить, из каких аулов удобнее выселить алдар и оставить фарсаглагов, или наоборот — выселить сих последних, а оставить алдар на месте».

Главнокомандующий «изволил в общих видах одобрить заключение» Вревского, что же касается окончательного его мнения, то Воронцов обещал это высказать Вревскому лично, когда прибудет во Владикавказ. Он признал полезным поселение фарсаглагов отдельными аулами от алдар, но кавдасарды «как холопы их (алдар.— Б.Б.) не могут быть поселены с фарсаглагами, ибо если это случится, то кто останется у старшин для обработки земли и прочих работ?»¹⁷³

Комитету было дано указание по какому принципу размежевать землю в Осетии. Его производить не по целому округу, а по племенам, причем, границы между обществами обозначать где можно «замечательностями»: горами, реками, ручьями и тому подобными.

В июне 1851 г. князь Воронцов снова посещает Владикавказ. Перед предстоящим летним наступлением против Шамиля,

¹⁷² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 27.

¹⁷³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 32.

главнокомандующий должен был лично проинспектировать войска на Кавказской линии. И все же не за этим совершил вовсе нелегкий транзитный путь через Кавказский хребет 72-летний «вождь Кавказа». На Северный Кавказ Воронцова позвала почетная обязанность: заложить первый камень строящегося у входа в Алагирское ущелье серебрясвинцового завода.

По прибытии во Владикавказ, он в окружении «здесьнего пачальства» в подробности обсуживал разные дела, порученные комитету». Наместник остался довольным работой комитета и в особенности его председателя Вревского. По материалам документов, «его сиятельство вполне оценил неутомимые труды сего генерала... и передал барону Вревскому особенную признательность свою за его труды»¹⁷⁴.

Следующим этапом работы комитета должно было стать аульное размежевание плоскостной земли. Практическую часть этой работы Воронцов возложил на Герасимова «как офицера вполне уже знакомого с этим краем и с начальными вопросами его поземельной собственности».

К топографическим работам Герасимов со своей группой приступил весной 1852 г. «Объяви от меня тагаурцам,— повелевал кавказский наместник Вревскому,— что правительство начинает с них это благодетельное для них дело во внимание их верной службы и преданности государю императору»¹⁷⁵.

Пока топографы выполняли эту работу, комитет вплотную занялся обсуждением сословного вопроса и накопившихся в комитете земельных споров. Сословный вопрос к тому времени оставался весьма гжучим и широко дискутировался в общественной жизни. Присвоение узденского звания некоторым фарсаглагским фамилиям не оставило равнодушным никого, породило в фарсаглагском обществе беспокойство и тревогу. Народ справедливо увидел в этом акте попытку администрации внести раскол, подорвать классовую сплоченность фарсаглагского сословия в борьбе против феодальной знати.

Социальные верхи многих фарсаглагских фамилий, имевшие к этому времени офицерские чины, «увлекались вымогательствами у комитета узденства». Они буквально стали умолять комитет присвоить и их фамилиям «узденя хоть какой-нибудь степени»¹⁷⁶. Описывали свои «заслуги» перед правительством, всячески убеждали членов комитета, что они имеют больше прав на узденства, чем те, которым уже его присвоили. Дело дошло до сбора «дорожных денег» с населения для поездки в столицу «с всеподдайнейшим прошением к государю императору об узденском звании всем фарсаглагам»¹⁷⁷. Затеяли это дело

¹⁷⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 105.

¹⁷⁵ Там же, л. 68, об.

¹⁷⁶ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 4, л. 1.

¹⁷⁷ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 105.

помощник пристава горских народов поручик Гака Кусов и прапорщик Цуки Козров. Они собрали с жителей более тысячи рублей (по 40 коп. со двора), действительно ездили в Петербург, но вернулись ни с чем.

И все же большинство фарсаглагского сословия было возмущено решением комиссии Нестерова. Присвоение звания узденя Кусовым, Козровым, Дзгоевым и другим фарсаглаги называли «несправедливым, вредным и даже опасным», так как «нельзя даже ручаться, чтобы мы не потеряли охоту... к выполнению возложенных на нас обязанностей верноподданства к правительству»¹⁷⁸. За 1850 и 1851 г. в комитет Вревского было подано 17 жалоб по этому вопросу, три раза фарсаглаги посылали своих депутатов в Тифлис. Однако все эти их обращения оставались без внимания.

Больше того, в конце 1852 г. комитет Вревского вошел с ходатайством перед наместником о присвоении еще четырем фарсаглагским фамилиям в количестве 28 дворов узденского звания. Решив эту просьбу комитета, Воронцов «вместе с тем дозволяя генерал-майору барону Вревскому и впредь входить с подобными представлениями о тех лицах вольных сословий, кто по заслугам своим перед правительством будет достоин такого звания»¹⁷⁹.

Такое решение еще больше обострило напряженную обстановку в Осетии. В феврале 1853 г. Вревский получил жалобу от всего фарсаглагского сословия, которую подписали 95 человек. Оспаривая правомочность этого шага властей, авторы недвусмысленно заявили, что «они тем самым возвели непроницаемую стену между» ними. Жалоба кончалась категорическим требованием — «настоящее звание узденя распространить на целое общество, или в противном случае ... звание это вовсе уничтожить»¹⁸⁰.

Крестьяне справедливо связывали сословный вопрос с земельным. Собственно, их меньше всего пугало само узденское звание. Тревожило то, что с этим званием отдельные фарсаглаги получали больше прав на землю при общем размежевании. Кстати, и сам комитет не отрицал, «что впоследствии лица эти должны будут пользоваться некоторыми преимуществами в поземельном довольствии». «Ваша светлость,— писали Воронцову в декабре 1852 г. фарсаглаги ряда селений,— мы наслышаны, что в скором времени будет размежевание плоскостной земли на участки и чтобы не лишиться занимаемой нами фарсаглаговыми фамилиями земли и чтобы не произошло со стороны начальства межевание на примере, кому более и кому менее

¹⁷⁸ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, лл. 13—14.

¹⁷⁹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 11, л. 3.

¹⁸⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 100.

(больше всех алдарам, затем узденям, а меньше всего фарсаглагам), убедительнейше просим предписать, кому следует, чтобы при размежевании земли, на которой мы поселены, разделено было по равной части»¹⁸¹.

16 октября 1852 г. Герасимов доложил в комитет об окончании съемочных работ на правом берегу Терека и представил об этом отчет. Вся плоскостная земля, занятая тагаурскими аулами, в которых проживало 55 дворов алдар, 508 дворов фарсаглагов и 152 кавдасардских двора, подробно была снята на карту в масштабе 250 сажен на дюйм. Нанесены также на эту карту существующие границы аульных дач, феодальных владений, исчислено количество удобной и неудобной пахотной, сенокосной и выгонной земли. Так, в 1852 г. в распоряжении тагаурцев на правом берегу Терека было 49 385 дес., из которых 1 000 дес. было неудобной земли — под болотами, осыпями, обрывами, песками и водой¹⁸². Вся эта площадь распределялась между 15 аулами следующим образом¹⁸³. (См. табл. 1).

Таблица 1

Распределение плоскостной земли между аулами по комиссии Бревского*

№ № п. п.	Название аулов	Кол-во дворов	Кол-во дес. земли	Кол-во спорной земли	Кол-во дес. на муж. душу
1	Беслан	34	4693	162	28
2	Тхостов	19	1165	190	26
3	Скут-кох (аул Муссы Кундухова)	42	5617	1090	26
4	Ларс	44	5101	—	23,5
5	Карджин	71	8608	1424	15,5
6	Дарг-кох	44	3622	1442	10
7	Исаево (аул Исса Дударова)	23	1377	129	13
8	Батакаюрт	77	5071	743	10
9	Иналово (аул Инала Дударова)	74	4368	1453	8
10	Габисово и Суланово (Дударовых)	57	4271	499	8
11	Брут (аул Шанаевых)	22	972	138	7,5
12	Бапиново (аул Бапина Алдатова)	23	1172	861	5
13	Заманкул	81	2257	35	5
14	Ельхотово	123	8634	388	26
15	Владикавказский аул	155	5805	180	28

¹⁸¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 79 об.

¹⁸² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 84.

¹⁸³ Там же, лл. 88—90.

«Аулы эти,— писал Герасимов,— размещены по берегам рек Камбилеевки, Терека, Карджина и при родниках по южному скату Кабардинских гор. В поземельном довольствии аулы эти не были разграничены, занимают произвольные участки, несоответственные их народонаселению: в одних аулах приходится больше десятины на душу, в других меньше, чрез что и возникают споры и беспорядки между жителями»¹⁸⁴.

Кроме того, тагаурцы в 1852 г. занимали земли на левой стороне Терека. 30 ноября Герасимов представил комитету «подробную съемку земли гизельдонских тагаурских аулов». Их всего было 5 аулов: Алдатова, Мамсурова, Адльгирея Кундухова, Османа Мамсурова и Кундухова,— в которых насчитывалось 166 дворов — 22 алдарских, 103 фарсаглагских и 41 кавдасардский и занимали 5 725 дес.¹⁸⁵.

В конце 1852 г. комитет получил точные данные о количестве плоскостной земли в Куртатинском и Алагирском обществах, и численности народонаселения¹⁸⁶.

Таким образом, представилась возможность приступить к практическому наделению землей плоскостного населения уже в 1853 г. «Ныне,— писал генерал Вревский наместнику,— по сообщению необходимых сведений имеется возможность приступить к распределению помянутой плоскостной земли»¹⁸⁷.

Советуя начать эту работу опять с Тагаурии, Вревский представил на утверждение два варианта одного и того же проекта размежевания тагаурской земли¹⁸⁸. При чем оба варианта исходили из тех «главных данных», что, во-первых, из всей земли на правом берегу Терека осетинам отдается только 44 385 десятины, во-вторых, землю необходимо наделить три сословия: алдар, фарсаглагов и кавдасардов, «коих по правую сторону оказались: алдар—54 двора, фарсаглагов — 598 дворов, кавдасардов — 175 дворов, в том числе фарсаглагов и кавдасардов сс. Балта, Редант, Баботыкох, Крайкау, Максимкина, «у которых нет земли и которых оною нужно наделить». В-третьих, алдар наделить большим количеством земли, фарсаглагов поселить отдельно от алдар и христиан от магометан. В-четвертых, во всех аулах прирезать по 60 десятины аульным старшинам, «чтобы этою мерою привлечь к должности старшинской людей с весом в народе, что необходимо для правительства». Кроме того, в каждом ауле отводится по 40 десятины для нужд церкви или мечети.

В первом варианте предлагалось наделить алдарские дворы

¹⁸⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 95.

¹⁸⁵ Там же, л. 97.

¹⁸⁶ Там же, лл. 92—93 об.

¹⁸⁷ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 33.

¹⁸⁸ Там же, лл. 35—40.

по 160 десятин, а фарсаглагские и кавдасардские по 42 дес. Кусовым в Заманкуле кроме 42 дес, на двор отделить особый участок 320 дес. В этом случае не распределенными останутся 500 дес. Эту сэкономленную землю председатель комитета предлагал присоединить к землям Владикавказского гарнизона.

Второй вариант предполагал наделение алдарских дворов по 225 дес., а фарсаглагских и кавдасардских по 36 дес. Кусовым не отделяется особый участок из дачи аула Заманкула, «но из фамилии Кусовых составляется на р. Заманкул особый аул и аулу сему отделяется по 43 дес. на двор, как фамилии, заслуживающей особенного внимания правительства»¹⁸⁹. В этом случае 500 десятин войдут в алдарский надел.

Наместник утвердил второй вариант комитета с единственной поправкой — кавдасардов землей не наделять. На основе этого генерал Вревский весной 1853 г. предписал Герасимову, чтобы отряд топографов приступил к практическому разделению тагаурской земли по утвержденному Воронцовым плану. Этот план межевания вносил существенные изменения в географическую карту Осетии. Навсегда должны были исчезнуть многие существующие населенные пункты, и наоборот, возникнуть новые, с новыми названиями. Большие массы населения должны были подвергнуться передвижению с одного места на другое. «Крайне необходимо,— писал Вревский Герасимову,— при отдельном поселении фарсаглагов и кавдасардов от алдар и христиан от магометан, некоторую часть аулов расселить по другим аулам, а в некоторых местах, более важных в военном отношении, возвести новые аулы»¹⁹⁰. По мнению комитета «при размежевании плоскости, по краям тагаурской земли должны быть поселены вольные селения и преимущественно христианские, как более надежные»¹⁹¹. Согласно такому указанию, создавалось шесть христианских селений: Карджин — из 120 дворов, Дарг-Кох — из 78 дворов, Батакаюрт — из 140 дворов, аул у кургана Эльберт (Зилга) — из 70 дворов, Владикавказкий — из 90 дворов, Иналовский (Хумалаг) — из 120 дворов и семь чисто магометанских: Заманкул — из 152 дворов, Скут-кох — из 11 дворов, аул у кургана Челемет (Брут) — из 31 двора, Ельхот — из 123 дворов, Беслан с аулом Тхостова — из 26 дворов, Джанхотов — Ларс — из 23 дворов и аул у кургана Герменчика. Если все христианские селения исключительно были фарсаглагскими, то из магометанских лишь только два — Заманкул и Ельхот, заселялись фарсаглагами. Что касается алдар, то они должны были быть поселены: Кундуховы в Скут-

¹⁸⁹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, лл. 35—40.

¹⁹⁰ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 34 об.

¹⁹¹ Там же, л. 42.

кохе, Дударовы в ауле Габиса, Тулатовы и Тхостовы в Беслане, все остальные алдары — Шанаевы, Мамсуровы, Алдатовы, Тугановы, Кануковы — в Бруте.

На этом основании ликвидировались аулы Габиса Дударова, Тасултана Дударова, Бапина Алдатова, Исса Дударова, Гадо Тхостова, аул Шанаевых, жители которых, согласно их вере, размещались по другим селениям. Жители первых двух аулов составили основу нового селения Зилга, сюда же были переселены жители-магометане из Иналова аула. Жители аулов Бапина Алдатова, Исса Дударова и Шанасвях были объединены в одно селение Брут, а аул Гадо Тхостова слился с аулом Беслана Тулатова, выселив из последнего всех христиан в Иналов аул. Последний теперь получил новое название — селение Хумалаг.

Особенным вниманием Вревского и его комитета пользовались пять аулов: Ельхот, Карджин, Заманкул, Батакаюрт и Владикавказский аул. Эти селения, расположенные в самых окраинных и «горячих» точках вдоль всей восточной границы Владикавказской (Осетинской) равнины должны были, по мнению комитета, играть роль кордонной линии и «охранять дорогу от прорывов хищнических партий». Поэтому их нужно было укрепить за счет увеличения числа жителей. Так, «аул Батакаюрт, расположенный близ Назрановской границы на скате Кабардинских гор, — читаем в предписании Вревского, — необходимо для безопасности усилить еще 70 дворами против настоящего его населения, ... а аул Карджин заселить исключительно христианами и число дворов довести до 120, так как аул этот находится ближе всех к нашей линии и Военно-Грузинской дороге, расположен близ Терека, где имеется множество бродов и местность представляет все удобства для укрывательства хищнических партий»¹⁹². В отличие от других, в каждом из них возводились оборонительные сооружения, проектировалось строительство церквей и помещения для сельских властей. Отныне аулы эти стали именоваться селами.

Земля фарсаглагам отдавалась, а точнее, «указывалась» по аульно с последующим разделением ее на кварталы и дворы без права ее отчуждения. А для «поддержания алдаров как класса высшего по происхождению и по всему своему в народе» земля им отдавалась пофамильно, по 225 десятин на двор, «частное же разделение этой земли предоставлялось им самим». Причем, считалось, что землю сею они будут уже полными владельцами, то есть с правом передавать по наследству, закладывать, продавать ее по своему усмотрению»¹⁹³. Только им, алдарам, давались письменные документы на право владения землей.

¹⁹² ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 37.

¹⁹³ Там же, лл. 38 и 38 об.

И все же алдары являлись условными владельцами пожалованной земли. Так, осетинский алдар не имел права продать свою землю «без ведома и разрешения местного начальства». «Полезно также поставить правилом, — предписывал Воронцов, — что в случае побега к непокорным или обличений в передержательстве хищников... виновный лишается своей поземельной собственности, которая обращается в пользу казны»¹⁹⁴. Далее алдары обязывались нести «кордонную повинность для охранения отводимой им земли от прорывов хищников».

Комитету понадобилось три года, чтобы проделать эту работу. 10 ноября 1856 г. Вревский докладывал новому наместнику генерал-адъютанту Барятинскому об окончании межевых работ. «Можно считать окончательным, — писал он, — все поземельные вопросы тагаурцев на правой стороне Терека»¹⁹⁵. К докладной записке представил 13 планов участков, отведенных во владение алдарам и фарсаглагским аулам¹⁹⁶. Всего было отмежевано земли 44 885 десятин, в том числе:

1. Майору А. Дударову с братьями за уступленную правительству Ларскую землю 1 500 десятин;
2. Подполковнику М. Кундухову с братьями 2 800 десятин и 800 десятин леса;
3. Алдарам Дударовым на 19 дв. по 225 десятин на двор, 4 275 десятин;
4. Алдарам Тулатовым на 6 дв. 1 350 десятин;
5. Алдарам Тхостовым на 5 дв. 1 125 десятин;
6. Алдарам всех других фамилий, всего 29 дворов 6 380 десятин¹⁹⁷.

Таким образом, 61 алдарский двор, или около 8% тагаурского населения, получил 17 430 десятин, то есть более 1/3 всей распределяемой земельной площади.

Оставшаяся земля, 27 455 десятин, отдана фарсагам, которые были собраны в 9 аулах:

1. Христиановскому аулу Дарг-Кох на 110 дворов — 4 047 десятин, в том числе 140 десятин церкви и старшине;
2. Христиановскому аулу Батакаюрт на 155 дв. — 5 585 десятин, в том числе 200 дес. церкви и аульному старшине;
3. Владикавказскому аулу на 100 дв. — 3 380 дес., из которых 140 дес. церкви и старшине;
4. Христиановскому аулу Хумалаг на 135 дв. — 4 868 дес. и соответственно 140 дес. церкви и сельской администрации;
5. Магометанскому аулу Заманкул на 123 дв. — 4 200 дес., и для мечети и старшине 140 дес.;

¹⁹⁴ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 39 об.

¹⁹⁵ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 11 об.

¹⁹⁶ Архив музея краеведения СО АССР, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 136.

¹⁹⁷ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 6.

6. Магометанскому аулу Кусовых на 41 дв.— 1 860 дес., в том числе 140 дес. мечети и старшине;
7. Магометанскому аулу Зилга на 98 дв.— 3 375 дес., в том числе 140 дес. мечети и старшине;
8. Магометанскому аулу Ельхот на 123 дв.— около 8 000 дес.¹⁹⁸

Из оставшегося количества земли для наделения вольных аулов 1 240 десятин составили фонд сельского духовенства и администрации.

В своем донесении Барятинскому Вревский сообщал, что во время раздела тагаурской земли комитету пришлось несколько отклониться от плана межевания, утвержденного наместником еще 6 января 1853 г. «Эти отклонения, — писал он, — я признал необходимым допустить как по тревожному положению Владикавказского округа, в котором находился он за выводом войск в Закавказский край, вследствие минувшей войны (Крымская война — Б. Б.), так и по другим обстоятельствам»¹⁹⁹. Так, по плану Дударовым был отведен участок возле Елизаветинского укрепления, куда должны были переселиться все члены этой фамилии, в том числе из Карджина. Однако владельцы селения Карджин Инус и Ильяс Дударовы «неотступно просили комитет об оставлении их на прежнем месте жительства в Карджине». В этом их поддерживали и другие Дударовы, изъявляя готовность переселиться в Карджин, но не в урочище «Зилга». Вревский удовлетворил просьбу Дударовых и они поселились здесь, в Зилге же поселились фарсаглаги — магометане в 1855 г. Далее, Вревский, в виде исключения, ходатайствовал перед новым наместником о выдаче письменных актов на землю и фарсаглагской фамилии Кусовых. «Последним ходатайствую сию милость во внимание постоянной примерной преданности их правительству, отличных заслуг, одновременно оказываемых членами этой фамилии, из которой в настоящее время многие с похвалою служат в различных должностях в управлении округа и я надеюсь, что чрез таковое милостивое внимание начальства, Кусовы усугубят усердие и ревность свою к пользам правительства и к службе, всегда полезной в здешнем крае, по значительному весу этой фамилии в народе»²⁰⁰.

Межевые работы в Гизельдоне включали в себя следующее. Население пяти аулов разбивалось также по принципу раздельного поселения фарсаглагов от алдар и христиан от магометан. При этом 22 алдарских двора собирались в ауле Кануково, все фарсаглаги «магометанского закона» переселялись в аул Зилга.

¹⁹⁸ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 7.

¹⁹⁹ Там же, л. 8.

²⁰⁰ Там же, л. 9 об.

Христианское же население всех гизельских аулов, простирающихся до 150 дворов, должно было составить два новых аула: один в 70—80 дворов (и поселить его в горах, на месте разоренной в 1830 году Ниж. Кобани), другой аул, около 80 дворов, (поселить ниже аула Кануково, на южном протоке р. Гизельдон). Этот аул наделяется землей, находящейся между реками Гизельдоном и Майрамадагом, начиная от границ земли Архонской станицы и до подошвы Черных гор, включающей в себя 2 540 десятин. Оставшуюся затем гизельскую землю в количестве 3 389 десятин, отмежевать алдарам Кануковым, Алдатовым, Кундуховым, Мамсуровым по 155 десятин на двор. Христианскому же аулу в горах отдавалась конфискованная когда-то у Ниж. Кобана казенная земля.²⁰¹

На территории Куртатинского общества комитет с самого начала не был склонен подвергать жителей крупным переселениям, если не считать решения комитета об объединении двух близлежащих аулов — Верхнего и Нижнего Фиага в один, под названием Кадгарон. Аулы здесь должны были остаться на тех же самых землях, которые до этого занимали, то есть им должны были «отвести земли, находящиеся в их фактическом пользовании». Правда, по примеру других христианских аулов в Кадгароне и Суадаге также назначались особые участки земли для церкви в размере по 80 десятин и для старшины по 30 десятин, полагая по 2 старшины на аул²⁰².

Что же касается межевания земли алагирских плоскостных аулов Ардона и Салугардана, то комитет даже не нашел нужным составить какой-то определенный план, очевидно, предполагая сохранить алагирские аулы на прежних местах, с оставлением в их распоряжении того количества земли, которым до сих пор пользовались²⁰³. В куртатинских и алагирских аулах жители не подверглись сословному делению, зато религиозный принцип в образовании новых селений и здесь был соблюден во всей его строгости.

Земли Назрановского общества должны были подвергнуться значительным перераспределениям. Комитет Вревского нашел «справедливым» отдать этому обществу всю землю, начиная от подошвы Кач-дух, до Эльдархановского поста. Это пространство с севера ограничивалось землями Сунженского казачьего полка и Бековича-Черкаского, а с запада — землей Тагаурского общества, то есть хребтом Кабардинских гор. Вся эта территория делилась на 8 участков по числу 8 главных назрановских старшинских фамилий. Карабулаков же, поселенных с назрановцами на р. Яндырка, комитет полагал выселить на

---

²⁰¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, лл. 12—13.

²⁰² Там же, л. 13.

²⁰³ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 8, л. 8.

«свободные» земли по рекам Ассе, Фортанге и Нетхою, которые, кстати, и прежде были заселены карабулаками. При этом, говорилось в проекте Вревского, «чтобы иметь это племя в своих руках и обеспечить с этой стороны Военно-Грузинскую дорогу, необходимо ... устроить башни на Фортанге против Бумута, в Гандыл-басе и Датыхе и в трех местах по Ассе с промежутками между ними постами из милиционеров»²⁰⁴.

Однако комитету Вревского уже не суждено было заниматься практическим претворением этого плана в жизнь. В связи с предстоящими крупными военными действиями против Шамиля, планируемыми правительством, главнокомандующий генерал Барятинский вынужден был произвести многочисленные перемещения в высшем командном составе Кавказской армии.

В конце 1856 г. вынужден был покинуть Владикавказ и Вревский. С отъездом из Владикавказа этого генерала прекращает свои действия и сословно-поземельный комитет, председателем которого он был почти 7 лет.

Сословно-земельный вопрос в Дигории, хотя и был передан в конце 1849 г. в комитет Вревского, но оставался совершенно без движения. Это породило недовольство и жалобы со стороны дигорских баделят. Беспокоило это и местные военные власти, так как классовая борьба в этом районе Осетии принимала угрожающие формы. Начальник Центра Кавказской линии полковник Эрстов вторично доносил в Тифлис, что «в Дигории несогласие между сословиями не стало иметь границ». «Ненависть друг к другу так велика, что каждый из них употребляет все меры погубить другого»²⁰⁵.

О тревожной обстановке в Дигории докладывало и духовенство. Его очень беспокоило участвовавшее в Осетии массовое «отступничество» от православия. В одной только Дигории число ренегатов достигло 800 душ мужского пола²⁰⁶. Это был своеобразный протест дигорского крестьянства против феодально-крепостнической политики царизма и его администрации. Число прихожан в аульных церквях резко падало. Жители открыто заявляли местным священникам, что если власти будут продолжать поддерживать баделят, то все перейдут в магометанство.

Сам экзарх Грузии был обеспокоен таким положением в Осетии и несколько раз, свидетельствуют документы, обращал внимание Воронцова «на этот священный предмет»²⁰⁷.

Летом 1850 г. Воронцов потребовал (уже который раз) от представителей местной власти «теперь же представить все под-

²⁰⁴ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 13 об.

²⁰⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 454, оп. 1, д. 3294, л. 33.

²⁰⁶ Там же, л. 109.

²⁰⁷ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 3.

робности о жалобах дигорцев, имеющих связь с распространением там православия». Подробный доклад о положении в Дигории был представлен начальником Центра²⁰⁸. По существу в нем генерал Эристов не только характеризовал критическое положение православной церкви, но и составил проект решения сословно-поземельного вопроса в Дигории.

Сделав экскурс в историю сословно-поземельных отношений в этом районе Осетии, Эристов пришел к выводу, что «старшины дигорские на землю, лежащую вне гор, право собственности не могут иметь, следовательно и повинность, платимая черным народом за эту землю, ничем не оправдана...»²⁰⁹ Отстаивая интересы правительства в этом вопросе, Эристов взял «под защиту народ, исповедующий христианство». «Народ,— писал он,— поставлен в зависимость от всех старшин — фанатиков, исповедующих религию магометанскую, и всех христиан, живущих между ними, стесняют. Эта явная причина медленного развития христианства в Дигории»²¹⁰.

Однако, подробно описав состояние аграрных отношений между знатью и народом, Эристов советовал наместнику при окончательном решении сословно-земельного вопроса, не ущемлять интересы старшин. Они, по его мнению, «заслужили наше внимание своей долголетней преданностью и многообразной полезной службой правительству»,— писал он и считал, что, во-первых, необходимо утвердить их в достоинстве узденей 1-й степени и не лишать прав над народом. «Во-вторых, писал он далее, — я полагал бы за столь полезную службу им, дигорским старшинам, поселенным на плоскости и почти все заслужившие чинов штаб- и обер-офицеров, потомственно отвести участки из тех земель, которые теперь им заняты»²¹¹.

Генерал Эристов считал, что если таким образом утолить земельные претензии баделят, то на территории дигорской равнины, в бассейнах рек Уруха и Урсдона останется свободная земля, на которую до сих пор имели виды помещики из фамилии Тугановых, Кубатиевых и Абисаловых. Вот эту-то землю Эристов советовал «передать в пользование простого класса, преимущественно христианского вероисповедания, которого собрав вместе поселить отдельным аулом»²¹². Чтобы как-то ослабить и остроту религиозной борьбы в Дигории, укрепить позиции православия, планируемый христианский аул он предлагал сделать не только административным центром Дигории, то есть местом пребывания пристава, но и центральным пунктом православной религии. Эристов писал, что для этого нужно здесь, в этом

²⁰⁸ ЦГА Груз. ССР, ф. 454, оп. 1, д. 3294, лл. 47—30.

²⁰⁹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 3.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 28. об.

²¹² Там же, л. 29.

ауле, «за счет казны построить порядочную церковь, куда определить способных священников»²¹³.

Вышеописанный проект разрешения сословно-поземельного вопроса и меры укрепления позиций христианской церкви в Дигории по существу ничем не отличались от проектов комитетов Нестерова и Вревского для Тагаурии. Это и понятно. Князь Эристов был одним из активных деятелей этих комиссий. Хорошо был знаком со всеми основополагающими указаниями высшей краевой власти и самого Воронцова по этим вопросам. Эристов неплохо знал и предмет своего проекта.

Воронцов, лично заинтересованный в быстрейшем решении «дигорского вопроса» (об этом, как известно, дважды просили бадалятские депутаты самого Николая I), на этот раз остался довольным и одобрил все положения, содержащиеся в проекте генерала Эристова. В феврале 1851 г. он наказывал Эристову, «что вопрос о наделении дигорских владельцев землями потомственно и меры по охране интересов православной церкви в Дигории должны быть приведены в исполнение в возможно скором времени»²¹⁴. Согласившись с мнением князя Эристова об отдельном от бадалят поселении дигорских адамихатов, Воронцов в то же время не упустил из своей опеки интересы дигорских феодалов. Вместо поземельной дани, взимаемой с адамихатов, бадалятам было обещано денежное вознаграждение из казны²¹⁵. Оно должно было соответствовать количеству поземельных повинностей, в денежном выражении, собираемых с дигорских крестьян.

Для определения этих повинностей и соответственно им размеров казенного вознаграждения каждому феодалу была учреждена «особая комиссия» во главе с командиром Владикавказского казачьего полка полковником Шостаком. Свои действия эта комиссия открыла по указанию Воронцова в начале осени 1851 г. в Ардоне. Комиссия собрала значительный материал о личных и поземельных повинностях, платимых адамихатским сословием бадалятам, и о количестве дворов зависимых крестьян не только в общей форме, но и по отдельным владельцам и фамилиям²¹⁶. Следует однако заметить, что к данным комиссии Шостака нужно подходить критически. Очень многое в них преувеличено. Комиссия записывала их со слов самих владельцев. Они же, чтобы получить от казны побольше обещанного вознаграждения, давали комиссии просто «фантастические сведения».

Для практического осуществления в жизнь проекта генерала Эристова нужно было провести большие межевые и топографические работы. Работы эти поручались группе топогра-

²¹³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 30.

²¹⁴ Там же, л. 32.

²¹⁵ Там же, л. 34.

²¹⁶ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, лл. 4—10.

фов в главе с капитаном Ильященко. За три месяца, с мая по июль-месяц 1852 г., группа Ильященко составила подробную карту плоскостной Дигории. Кроме того, в натуре были указаны границы участков с указанием владельцев и аулов»²¹⁷.

Так фамилии Кубатиевых указан участок в 3 000 дес. пахотной земли, Караджаевым отмежеван участок в 800 дес., Абисаловым в 200 дес. Помещикам Тугановым, как известно, земля в размере 19 790 дес. была пожалована еще в 1837 г. самим императором. Ко времени межевания дигорской земли у Тугановых осталось 13 504 десятины, так как часть тугановской дачи в количестве 6 288 дес. правительством обратно была скуплена у помещика за 43 тыс. руб. для станицы Николаевской. Оставались свободными 7 564 дес. Это пространство и отводилось на общинных началах дигорским фарсаглагам — адамихатам, выделялись «особые участки для христиан и особые для мусульман, с поселением их отдельными новыми аулами». Так, христианскому аулу отводился участок в 5 000 дес., а магометанскому — 4 333 десятины²¹⁸.

На карте плоскостной Осетии появилось еще два аула: Вольно-Христианский с 263 дворами в нем и Вольно-Магометанский с 109 дворами. Кроме того, в частную собственность всех остальных «заслуженных баделятских фамилий» было отрезано 5 125 десятины — Чегемовым, Битуевым и Кабановым. В 1853 г. всем владельцам были выданы документы на право потомственного владения этими землями.

Таким образом, в результате раздела плоскостной земли Дигории, высшая кавказская администрация фактически удовлетворила требования баделят — размежевала их земли и выдала им акты на потомственное владение ими. Дигорское крестьянство осталось без плоскостной земли, так как две трети, или 28 915 дес. этой земли были закреплены за феодалами и лишь 9 564 дес. отведены «черному» дигорскому народу.

§ 3. Комитет генерала Грамотина. Попытка генерала М. А. Кундухова и его комиссии разрешить сословно- поземельный вопрос в пользу алдаро- баделятской фронды.

Деятельность комитета Вревского была значительной, она в высших административных кругах считалась «успешной». И тем не менее работа комитета не могла и не устранила остроту двух для Осетии главных вопросов — сословного и, в особенности, земельного. Комитет Вревского не претворил в жизнь раз-

²¹⁷ Архив музея краеведения СО АССР, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 136.

²¹⁸ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 64.

работанные им же проекты по земельному вопросу в Алагирском и Назрановском обществах, своего окончательного решения ждал аграрный вопрос в Дигории и в Куртатинском обществе.

К тому же деятельность этого комитета породила настоящий переполох среди тагаурских алдар. Феодалная знать Тагаурии осталась «обиженной и оскорбленной». Уже в начале мая 1857 г. группа наиболее влиятельных алдаров: Беслан Тулатов, Крымсултан Дударов, Паци, Аслангирей и Касбулат Кануковы, Осман Мамсуров и другие подали жалобу, в довольно резком тоне, новому командующему войсками Левого фланга Кавказской линии генералу Евдокимову²¹⁹. «Гнев и возмущение съедают наши сердца», — писали они. Авторы жалобы протестовали против итогов работы комитета прежде всего потому, что его председатель Вревский, якобы не принимал во внимание интересы алдар, «игнорировал наше мнение», в результате чего «отдалил комитет от нас». «Одним словом, мы смело можем заявить, — писали алдары, — что мы знаем только по частным слухам, что существовал комитет под председательством генерала барона Вревского»²²⁰. Результатом «такой фиктивной деятельности комитета», по мнению алдар, было включение в алдарское сословие лиц, которые «до назначения комитета не были в числе нас, имена которых, при малочисленном нашем сословии, не были нам известны... и которые, живя в наших аулах, платили нам подать»²²¹. Комитет барона Вревского, — жаловались они, — «насорил наше благородное сословие мнимыми алдарами».

Это был явный обман. В списках алдар, составленных комитетом для наделения землей в 225 дес., мы не нашли ни одной фамилии, ни одного двора, чье алдарское происхождение вызвало бы сомнение.

Пользуясь отъездом генерала Вревского из Осетии, алдарская верхушка в жалобе своей компрометировала итоги работы комитета в глазах нового местного и краевого начальства. Она настаивала, чтобы оно учредило новый, более приемлемый для нее комитет.

Алдары, считавшие себя основателями аулов на плоскости и владевшие на этом основании всеми аульными дачами²²²,

---

²¹⁹ В 1857 г. Левое крыло Кавказской линии было разделено на Правый и Левый фланги. Северная Осетия в военно-административном отношении была подчинена командующему войсками Левого фланга. Сам генерал Евдокимов одновременно с 1856 по 1858 гг. исполнял и обязанности начальника Владикавказского военного округа. Штаб-квартира командующего находилась во Владикавказе.

²²⁰ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 148.

²²¹ Там же, л. 147 об.

²²² Беслан Тулатов — основатель аула Беслан считал себя владельцем земли в количестве 4 560 дес., Крымсултан Дударов — 6 050 дес., Осман Мамсуров — 5 980 дес., Аслангирей Кануков — 4 790 дес. и т. д.

больше всего были недовольны тем, что комитет Вревского не утвердил за ними эти аульные дачи, а наделил их участками всего в 225 десятин, то есть гораздо меньшим количеством земли.

Алдарская верхушка требовала «разобрать ее права снова и не так, как разобрал барон Вревский, а достоверно со всею строгостью и тем дать цену благам, изливаемым на нас монархом»²²³.

С жалобой на комитет Вревского обратились тогда же к Евдокимову и алдары Шанаевы из Брута, Тхостовы, Алдаповы, Жантиевы. «Неудовольствие» их состояло в том, что земля им была отмежевана вместе с другими алдарами.

Наконец, работа комитета Вревского вызвала резкое недовольство и со стороны фарсаглагов и кавдасардов. Комитет вовсе не наделил землей 334 крестьянских двора в Тагаурии и 190 дворов Куртатинском обществе.

В ноябре 1857 г. во Владикавказе был учрежден новый комитет в составе 9 человек. Было высказано мнение, что действия нового комитета следует территориально расширить, поэтому он официально получил название «Комитета для разбора личных и поземельных прав туземцев левого фланга Кавказской линии». Председателем его наместник Барятинский назначил бывшего начальника Центра, а «ныне состоящего при главнокомандующем» генерала Грамотина²²⁴. Как явствует из названия, новый комитет должен был решить окончательно сословно-поземельный вопрос не только в Осетии, но и в Кабарде, Чечне, Ингушетии и в Кумыкском округе.

На расширении действий нового комитета настаивал сам генерал Евдокимов. В рапортах на имя главнокомандующего он убедительно доказывал необходимость создания общего комитета для всех туземцев. Он писал: «... Хотя в отношении личных и поземельных прав более всего запутанности встречается в Осетинском округе, тем не менее и другие окружные начальники обращаются ко мне непрерывно с жалобами, что ссоры и споры туземцев за поземельную собственность постоянно увеличиваются и разбор этих споров при полной невозможности окончательно их решить, поглощают всю деятельность окружных начальников»²²⁵.

Соглашаясь в принципе с Евдокимовым, главнокомандующий в то же время сам определил круг основных задач комитета. Прежде всего он должен был рассмотреть и окончательно решить поземельные споры в Осетии, наделить жителей землями и выдать им документы на владение участками, которые

---

²²³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 147 об.

²²⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 39.

²²⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 16.

будут за ними утверждены, окончательно отделить христиан от магометан и поселить их отдельными аулами. «Все предположения комитета,— наставлял Барятинский,— должны быть представляемы на усмотрение вашему превосходительству и восходить на окончательное мое утверждение»²²⁶.

На основе этих указаний главнокомандующего Евдокимов составил подробную программу работы комитета в Осетии²²⁷. Первым долгом Грамотин и его комитет должны были «проверить посредством расспроса жителей, действительно ли не все фамилии, признанные бывшим комитетом алдарами, принадлежат к этому сословию». Затем комитету надлежало осуществить подробный разбор дела о наделении землею гизельских аулов, «остающимися по сие время ненаделенными ею». Евдокимов требовал от председателя комитета скорейшего решения этого вопроса, так как христианская часть гизельских жителей неоднократно уже обращалась к экзарху Грузии с просьбой походатайствовать о немедленном удалении от них магометан, и прежде всего алдарских семей. Поэтому экзарх входил с ходатайством к главнокомандующему «возможно скорее поддержать упдающее в гизельских аулах христианство».

В дальнейшем комитету предстояло претворить в жизнь проекты Вревского по Алагирскому району и Дигории. Окончательный срок реализации этого плана по Владикавказскому округу Евдокимов определил в два года, а затем комитет должен был заняться делами в Большой и Малой Кабарде, в Кумыкском округе и последним решить земельный вопрос в Чечне и в Ингушетии. Словом, от комитета Грамотина администрация ожидала быстрых и оперативных решений по предстоящим вопросам.

Между тем, ни комитет, ни ленивый его председатель не проявляли усердия и особого рвения в работе. Работа шла медленно, члены комитета на свои заседания собирались от случая к случаю. Комитет многие свои обязанности возложил на приставов. Сам Грамотин, получая к своему генеральскому жалованию довольно крупный председательский оклад, проводил время больше во владикавказских и тифлисских ресторанах и игорных заведениях, за что несколько раз, в довольно резкой форме, делались ему замечания²²⁸.

Наконец, в октябре 1858 г., начальник Левого фланга в докладной на имя главнокомандующего официально обвинил Грамотина в «своевольстве», «беспечности» и «нерадивости». Анализируя работу комитета, Евдокимов писал, что, хотя он уже существует около двух лет, но «к сожалению до настоящего

²²⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1., д. 12, л. 44.

²²⁷ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 8, лл. 2—18.

²²⁸ Там же, л. 57.

времени плоды деятельности этого комитета, заключающегося ныне в особе одного председателя, не обнаруживаются». «Думаю,— писал он,— что при самой усиленной деятельности комитет этот в настоящем его виде по множеству и разнообразию занятий, едва ли в состоянии будет в скором времени сделать что-нибудь ощутимо-полезное. Так как вопрос о поземельной собственности должен быть поставлен во главе всех мер, принимаемых к благоустройству туземных обществ и введению в них гражданственности, то я осмеливаюсь покорнейше просить в.с. упразднить нынешний комитет и создать новый, значительно укрепив его штатами»²²⁹.

В ноябре 1858 г. комитет Грамотина был упразднен. Вместо него учреждались 4 комитета в каждом из 4 округов²³⁰. «Нам,— писал Евдокимову начальник штаба кавказской армии генерал-адъютант Милютин,— теперь остается только желать приискать способных, благопристойных и деятельных людей»²³¹.

Председателями комитетов должны были быть начальники округов. И если в трех округах состав комитетов был подобран быстро, то во Владикавказском округе с назначением председателя и членов комитета появились трения. Дело в том, что начальник округа полковник Мищенко, назначенный на эту должность в июле 1858 г., не устраивал в должности председателя комитета генерала Евдокимова. Командующий Левым флангом считал Мищенко человеком «либерального ума». «Я не всегда уверен,— писал он в одном частном письме,— оправдает ли сей офицер в должной степени ожиданий командования». Евдокимов обвинял Мищенко в том, что в его бытность начальником округа, в Осетии крайне обострился холопский вопрос. «Холопы неизвестно почему отказываются от повинностей и начали совершенно не признавать нашей над ним власти». И, хотя «о таком их неповиновении,— писал Евдокимов,— здешние владельцы неоднократно доводили до сведения окружного начальства... они еще не получили удовлетворение»²³². Документы действительно подтверждают, что в 1858 г. возникло большое количество спорных дел между алдарами Кундуховыми и их холопами Сокаевыми, между Кундуховыми и Кочисовыми, между Абисаловыми и Атаевыми, между Жангиевыми и их холопами, между Кануковыми и Аппаевыми и Худиевыми и др. Документы также свидетельствуют о том, что разбирательства этих споров в окружном управлении не всегда заканчивались в пользу алдаров²³³.

²²⁹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 16.

²³⁰ Там же, л. 17.

²³¹ Там же, л. 13.

²³² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 10, л. 2

²³³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, дд. 20, 13, 10, 58, 172, 229 и др.

Мищенко был снят с должности 13 декабря 1858 г. Милютин сообщал Евдокимову, что Владикавказский округ преобразован в Военно-Осетинский и на место Мищенко начальником округа назначается полковник Мусса Кундухов, который рекомендовался и председателем комитета²³⁴. Назначение «туземца» на столь высокую и ответственную должность как начальника округа и председателя комитета было само по себе событием из ряда вон выходящим. Сын одного из богатых и влиятельных тагаурских феодалов, Мусса Кундухов заслужил это исключительное доверие высшего кавказского командования своей преданной правительству службой. Окончив одним из первых среди горцев кадетский корпус, М. Кундухов, по словам современников, продвигался по службе с «головокружительной быстротой», получив вторым²³⁵ среди осетин в 1860 г. генеральский чин. Кроме официальной военной службы Кундухов уже с начала 40-х гг. стал тайным агентом ведомства Бенкендорфа на Кавказе. В качестве агента ведомства Бенкендорфа в военных кругах Кундухову не раз поручались исключительно важные задачи. Так, еще в 1841 году главнокомандующим генералом Головиным Кундухов был «употреблен в деле довольно важным против ауховцев» в Чечене, где проявил «способности и надлежащую осторожность»²³⁶. В 1842 г. преемник Головина генерал Нейдгард с санкции самого Николая I и шефа III Отделения Бенкендорфа посылал ротмистра Кундухова несколько раз в с. Дарго на переговоры с Шамилем с целью «склонить его покориться» или «постараться хотя бы получить сведения о теперешнем состоянии Чечни и расположении умов в оной»²³⁷.

Еще более активной была деятельность Кундухова в качестве тайного сотрудника политической полиции в 50-х — первой половине 60-х гг., о чем мы будем говорить в других разделах настоящей работы.

В этой связи смехотворной выглядит попытка некоторой части дореволюционных историков объяснить быстрое продвижение Кундухова по служебной лестнице в силу «огромного его военного таланта» представить его чуть ли не «борцом за интересы горцев». Больше того, с его именем связывали легенду о каком-то «антицарском заговоре» на Северном Кавказе и якобы раскрытом в начале 60-х годов²³⁸.

Не должно вызывать сомнения, что «головокружительную

---

²³⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 26.

²³⁵ Первым из осетин генеральского чина был удостоен в 1858 году А. Туганов.

²³⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 8/257, оп. 1, д. 670, л. 19.

²³⁷ Там же, л. 20.

²³⁸ См.: Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов-Дон, 1925, с. 198.

карьеру» М. Кундухову обеспечила прежде всего его «много-
полезная» служба в качестве сотрудника III Отделения, цар-
ского агента в среде горцев.

Хотя Кундухову и было оказано высокое доверие краевой
администрацией, назначив его начальником Военно-Осетинского
округа и председателем комитета, генерал Евдокимов все же
счел нужным «прикомандировать к нему в качестве его помощ-
ника чиновника для особых поручений майора Карягина». Од-
ним из постоянных членов комитета назначался капитан Корне-
ев, в силу чего комитет Кундухова называли в шутку « комите-
том трех К».

Работа комитета с самого начала была подчинена особому
регламенту, разработанному самим Кундуховым и утвержден-
ному Евдокимовым. «Комитет,—говорилось в этой программе,—
желая ускорить исполнение возложенной на него высокой обя-
занности и достигнуть цели правительства, полагает открыть
свое действие разбором личных прав народа по обществам»²³⁹.

В основном вопросе комитету с самого начала была навя-
зана точка зрения его председателя. Кундухов стремился соз-
дать в Осетии такую же сословную структуру, как и в Кабарде.
С этой целью комитет через некоторое время представил на ут-
верждение проект, по которому, по примеру феодальной Ка-
барды, правящий в Северной Осетии алдаро-баделятский класс
был разделен на три разряда. Земельный вопрос поставлен ко-
митетом в зависимость от решения сословного вопроса. «В пер-
вый разряд,—говорилось в этом проекте,—поместить всех ба-
делят, царгасат и алдар, которые службою приобрели офицер-
ские чины и юнкерские звания, дети которых при определении
на службу должны поступать на двухлетний термин. Во второй
разряд причислить всех остальных членов поименованных сос-
ловий, не имеющих офицерских чинов, сюда же присоединить
офицеров-гагуатов. Детей их принимать на службу на четырех-
летний термин»²⁴⁰. В третий разряд отнести тех алдар, и баде-
лят, а также гагуат и царгасат, «кто не имеет своей земли или
имеет немного, да сам ее обрабатывает. Кто ленив, редко быва-
ет на коне, не одевается прилично, обижен от природы, или же
не отличается удалством, кто много ест, или не может переносить
в походе холод и голод. Все подобные люди не только не
уважаются, но находятся в пренебрежении у народа, как люди
беспользные и ни на что не способные»²⁴¹.

Комитет предлагал наделить осетинских феодалов землей
согласно этому принципу: алдарам первого разряда дать боль-
ше, второго разряда — меньше, а третьего — еще меньше. При:

²³⁹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 59.

²⁴⁰ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 30, л. 2 об.

²⁴¹ Там же, л. 74 об.

этом желательно наделить землей не подворно, а по числу душ мужского пола, назначив на каждую душу по 12 десятин. При этом прибавить сверх нормы алдарам первого разряда по 100 дес., а второго — по 50 дес. на двор.

Получалась следующая картина. В Тагаурии комитет в 1859 г. причислил к алдарскому сословию 164 двора. Из этого числа к первому разряду отнесены 52 двора, ко второму — 83 двора и к третьему — остальные 29 дворов. В Дигории все 43 двора баделят причислены к первому разряду, зато 28 дворов царгасат и 11 дворов гагуат отнесены ко второму»²⁴².

Комитет Кундухова сделал новый расчет земли алдарам и баделятам, гагуатам и царгасатам на плоскости. В Дигории феодальный земельный фонд оставался без изменения. Земля здесь оставалась за теми владельцами, за которыми она была закреплена Воронцовым в 1852 г. и в тех же размерах. Иначе обстояло дело в Тагаурии. По новому расчету свыше 70% алдарской земли попадало к крупным землевладельцам, именно к той части алдарского сословия, которая, осталась недовольной результатами работы предшествующих правительственных комитетов и комиссий²⁴³. Кундухов, выражая прежде всего интересы этой феодальной оппозиции, всеми силами спешил решить земельный вопрос в Осетии в пользу алдаро-баделятской фронды.

Однако проект Кундухова не был одобрен наместником и по существу был отклонен им. «Делить алдар и баделят на 3 разряда нахожу неуместным, потому что это было бы отступлением от прямой цели назначения комитета, — заключал генерал-фельдмаршал Барятинский. — Подразделение, предполагаемое комитетом, будет конечно безобидно только для тех, которых комитет ставит в число достойных, а все прочие... без сомнения будут считать себя обиженными и это неизбежно породит между ними ропот и неудовольствие»²⁴⁴.

Нельзя забывать и то, что с созданием комитетов в 1859 г. начинается новая линия правительственной политики в сословном и поземельном вопросе в крае и, в частности, в Осетии. Дело в том, что до 1859 г. правительство не могло игнорировать интересов алдар, не могло не оказывать им особого внимания и проявлять заботу о них, ибо, как отмечалось раньше, основной политикой царизма в процессе утверждения его в Осетии была политика поддержки, подкупа и заигрывания с алдарами — «Раздражать их было нерационально и опасно»²⁴⁵.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что до 1859 г. завоевательные успехи царизма на Северном Кавказе были весьма про-

²⁴² ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 30, лл. 18—42.

²⁴³ Там же, лл. 80—81.

²⁴⁴ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 8, лл. 66 об. 67.

²⁴⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 8/257, оп. 1, д. 670, л. 83.

блематичными. Шла упорная борьба с национально-освободительным движением горцев. Лишь с 1859 г., после поражения Шамиля, у правительства были окончательно развязаны руки и оно перестало считаться с историческими правами привилегированных сословий и оказывать им особое внимание и милость. Период демагогических жестов в пользу народа и заигрываний с горской знатью кончился. Наступило время безраздельного господства и диктата. Руки самодержавного правительства и его администрации на Кавказе были развязаны в решении сословного и аграрного вопросов.

В обстановке отмеченных новых военно-политических условий, создавшихся в 1859 г., с новыми установками по вопросам социального и аграрного устройства горцев, местные и кавказские власти признали, что комитеты Нестерова, Вревского и Кундухова «ошибочно придавали крайне преувеличенное значение алдарскому сословию». Администрация считала, что притязания алдар на владельческие права ничем не подтверждаются и то поэтому «не было причин вознаградить их лишней землей за потерю едва ли существовавших когда-либо прав над народом: «В Осетии ни одно сословие по происхождению не имеет преимуществ перед другими. Хотя некоторые свое происхождение начинают от царствующих особ и владетельных князей, но иск их на это высокое достоинство (дворянство) не подтвердился ни письменными доказательствами, ни народными преданиями... Следовательно, выведенные ими истории о знатности своего происхождения, есть ничто иное как вымышленные сказки», — так писал наместнику в сентябре 1860 г., генерал Евдокимов²⁴⁶.

В силу сказанного, а «также ввиду недостатка земли на плоскости» Барятинский предписал комитету разделить алдар только на два разряда, «но с тем однако, чтобы алдарский земельный надел был уменьшен до 40 десятин на двор, допуская возможность дать первому разряду земли несколько больше»²⁴⁷.

Фактически провалилась также попытка Кундухова и его комитета разрешить сословный вопрос в Дигории в пользу дигорских баделят. Дело в том, что к концу 50-х годов социальная обстановка в этом районе Осетии еще больше обострилась «вследствие неуплаты черным народом повинностей бадилатам». Как известно, спор этот имел давнюю историю. Но особенно острый характер он принял, начиная с 1852 г., когда с разрешения наместника Воронцова значительная часть дигорского крестьянства переселилась из баделятских аулов и образовала на плоскости так называемые вольные аулы. Тогда же решением наместника переселившиеся крестьяне были освобождены от поземельных повинностей в пользу баделят. Что же касалось

²⁴⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 100.

²⁴⁷ Там же, л. 105 об.

других видов личных повинностей, то народ по-прежнему был обязан их вносить в пользу своих помещиков. Однако жители вольных аулов Христиановского и Магометанского истолковали это решение наместника по-своему. «В течение пяти лет,— доносил своему начальству в 1857 г. пристав дигорских народов штабс-капитан Масловский,— в черном народе вкоренилась уверенность, что он совершенно волен и никому никаких повинностей платить не обязан. В дигории поклялись не давать баделятам отныне ничего... Из этой неуплаты родилась невероятная ненависть между двумя сословиями, следствием которой весьма легко могут произойти война и убийства»²⁴⁸.

Как известно, по этому делу была создана и работала в Ардоне «следственная комиссия» полковника Шостака и капитана Радича. Однако ни эта комиссия, ни комитеты Вревского и Грамотина во Владикавказе, куда был передан этот вопрос, не смогли урегулировать этот спор и дело это с каждым разом откладывалось «на неопределенный срок».

С образованием же комитета Кундухова дигорские баделята снова решили, как говорится, испытать свое счастье²⁴⁹. Они вошли в комитет с ходатайством «примирить их с простым народом», что на деле означало принудить крестьян к отбыванию повинностей.

Просяба была поддержана в комитете. Во Владикавказ были вызваны депутаты с обеих сторон, якобы для принятия «важного решения». И, «когда председатель объявил о претензиях бадилят к народу,— читаем в одном из протоколов комитета,— то депутаты от дигорцев до того были удивлены и прогневаны, что в ослеплении своего невежества даже усомнились в действительности своего положения»²⁵⁰. Кундухов предложил собравшимся депутатам «полюбовно» договориться об уплате повинностей баделятам. Однако поверенные народа решительно отказались от какой-либо сделки с феодалами, «утверждая, что дигорский черный народ никогда не считал себя подвластным, потому что земля издревле принадлежала народу, а баделята есть только пришельцы». Наконец, заявляли они, «во время переселения дигорских жителей от баделят в вольные аулы князь Эрстов от имени его сиятельства Воронцова всенародно нам объявил, что с тех пор мы можем считать себя свободными и независимыми от баделят и отныне избавлены от всех податей и повинностей»²⁵¹.

²⁴⁸ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 1846, л. 2 об.

²⁴⁹ М. Кундухова роднило с дигорскими баделятами не только его классовое происхождение. Связан он был с последними и узами родства: он и два его брата были женаты на Тугановой и на сестрах Кубатиевых—дочерях подполковника Иналука Кубатиева.

²⁵⁰ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 57 об.

²⁵¹ Там же, л. 57.

В течение месяца на заседаниях комитета шли нелегкие дебаты по этому вопросу. Однако кроме взаимных обвинений и оскорблений они ни к чему не привели. Депутаты от баделят настаивали на использовании дигорским крестьянством своих обязанностей перед помещиками, посланцы же народа все это отвергали и доказывали, что они независимы от баделят. Кундухов вынужден был констатировать, что ему, к сожалению, «не удалось склонить депутатов ни на какие уступки».

Наконец, председатель комитета выдвинул компромиссное по его мнению, решение. Он предложил народным депутатам «выкупиться от баделят». Условия выкупа, предложенные баделятами, были очень тяжелыми — 300 рублей со двора или 50 рублей с души. И эту сумму крестьяне обязаны были уплатить помещикам в течение трех лет²⁵². При этом, Тугановы, которых к 1859 г. было 8 дворов, получали от своих 149 дворов подвластных крестьян 44 700 руб.; 17 дв. Кубатиевых за 205 дворов подвластных — 61 500 руб.; 9 дворов Абисаловых за 158 дворов — 49 400 руб.; 1 двор Караджаевых за 47 дворов — 14 100 руб., 3 двора Чегемовых за 7 дворов — 2 100 руб.; 2 двора Кабановых за 26 дворов — 7 800 руб. и 2 двора Битуевых за 43 двора подвластных крестьян — 12 900 рублей. В общей сложности баделята, которых всего в Дигории было 42 двора, должны были получить 192 500 рублей²⁵³.

Депутаты от крестьянских сословий заявили председателю комитета, что «без народного соглашения, они никакого ответа дать не могут по этому столь важному для них вопросу».

В августе 1859 г. в Вольно-Христиановском ауле дважды собирались общекрестьянские сходы («всенародные собрания») всей Дигории. На этих «всенародных собраниях» была выработана общая установка, которой должны были руководствоваться их депутаты в комитете. «Народ дигорский ни в каком разе не согласится снова подчинить себя бадилатам и платить им повинностей, тем более не собирается откупаться от них»²⁵⁴, — таков был ответ народа феодалам.

Подобное заявление народных представителей в комитете «крайне расстроило» Кундухова. 25 августа он обратился с рапортом к генералу Евдокимову. Объяснив, в общих чертах, историю этого вопроса, он писал, что «жители дигорского общества, хотя отказываются от платежа податей баделятам согласно решению покойного князя Воронцова, хотя они не верят в существование подобного решения, это только один предлог их, которым они стараются прикрыть преступное упорство свое,

²⁵² ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 58 об.

²⁵³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 7 или ф. 291, оп. 1, д. 34, л. 72.

²⁵⁴ Там же, л. 58.

явно изобличающее в них дух неповиновения и недоверия к начальству»²⁵⁵. Он просил санкции «употребить в Дигории самые строгие меры к понуждению дигорцев откупиться». Иными словами, Кундухов настаивал на посылке в Дигорию военной силы.

Однако Евдокимов решил действовать «благоразумными мерами». Он понимал, что посылка карательного отряда в Дигорию несомненно явится началом общего крестьянского восстания, ибо, признавал он, «дело приняло такой опасный оборот, когда у дигорцев небывалое единодушие и упорство в задуманном деле». В своем ответе Кундухову, он довольно резко отчитал его как председателя комитета. «Для разрешения несогласий, возникших в Дигории между бадилатами и простым народом относительно повинностей,— писал он,— комитету не должно было ограничиваться одними объяснениями с депутатами, а если он видел, что дело принимает такой серьезный оборот, то обязан был отправиться на место и говорить лично с народом, тогда многие недоразумения устранились бы легче»²⁵⁶. Став в позу защитника дигорского крестьянства, этот необузданный погромщик мирных горских аулов на Западном Кавказе, поучал своего подчиненного, что «нет ничего удивительного в том, что при убеждениях, вкоренившихся в понятиях жителей о свободном их происхождении, они были поставлены в крайнее недоумение, когда комитет объявил депутатам совершенно противное, и даже изъяснил недоверчивость и непослушание власти»²⁵⁷. Что же касается использования военной силы против крестьян, то «в настоящее время,— по мнению Евдокимова,— это затруднительно и неудобно».

В марте 1860 г. Кундухов, выполняя предписание генерала Евдокимова, сделал еще одну попытку принудить дигорцев решить свой спор с баделятами «полюбовным образом и выкупиться от них деньгами». С этой целью он откомандировал в Дигорию своего помощника Карягина и члена комитета Корнеева. Они должны были собрать народ на месте и «убедить оный не отказываться от упомянутой сделки». Однако и на этот раз миссия Кундухова и его комитета провалилась. Прибывшие в Вольно-Христиановский аул чиновники, хотя и долго убеждали собравшихся здесь жителей горных и плоскостных аулов, однако все 800 человек, присутствовавшие на собрании, решительно отказались от предложенной сделки, «объявив при том окончательно, что они готовы лучше подвергнуть себя самому строгому наказанию, чем согласиться на какую-либо добровольную сделку с бадилатами»²⁵⁸.

Комитет в дигорском вопросе потерпел полное фиаско. Он

²⁵⁵ Там же, д. 34, л. 58 об.

²⁵⁶ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 67 об.

²⁵⁷ Там же, л. 68.

²⁵⁸ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 23, л. 8.

оказался в тупике. Его председатель Кундухов, уже в чине генерал-майора, летом 1860 г. подал рапорт об отставке, и, хотя ему и было отказано, но он фактически с этого времени перестал руководить комитетом. Он был переведен начальником Чеченского округа. Председательские функции были возложены на подполковника Карягина. В таком виде комитет постепенно терял свое значение в глазах как народа, так и самой административной власти. Председателю все труднее становилось собирать депутатов, которые перестали верить в его работоспособность. Окружное начальство, приставы на местах больше не считали нужным оказывать комитету содействие.

И все же, подавая Евдокимову итоговый отчет о своей деятельности, комитет счел нужным еще раз вернуться к дигорскому вопросу. Был предложен еще один проект решения спора между феодалами и народом. «Дабы выйти из этого затруднительного положения и решить спор так, чтобы и те и другие остались довольными», комитет предлагал баделятам, якобы «за уступку прав над простым народом», сделать от казны денежное вознаграждение 25 руб. за крестьянский двор. Крестьян же обложить податью по усмотрению правительства навсегда, или по крайней мере до того времени, пока казна не вернет свои расходы и затем освободить крестьян вовсе из-под зависимости баделей²⁵⁹.

Однако и это предложение комитета не было претворено в жизнь. Так что непримиримая классовая вражда между дигорской знатью и народом, существовавшая уже десятилетиями, не была прекращена. Попытка Кундухова и его комитета разрешить сословно-поземельный вопрос в Осетии в пользу алдаро-баделейтской верхушки, еще больше обострила классовые противоречия в Осетии.

---

²⁵⁹ Там же, л. 49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Резкое обострение сословно-поземельных отношений в Осетии в 40—50-х гг.	3
1. Объективно-прогрессивные последствия заселения предгорной равнины осетинскими селениями и казачьими станицами	3
2. Усиление феодально-крепостнического гнета и рост антифеодальных выступлений осетинского крестьянства	14
Глава 2. Изучение и попытки разрешения правительством сословно-поземельного вопроса в Осетии 40—50-х гг.	35
1. Создание и деятельность правительственных комиссий Г. М. Нестерова и Э. С. Алехина. Попытка правительства и его кавказской администрации разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу казны и осетинских феодалов.	35
2. Сословно-поземельные комиссии Н. Г. Вревского и Н. П. Шостака и результаты их работы	48
3. Комитет генерала Грамотина. Попытка М. А. Кундухова и его комиссии разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу алдаро-баделятской фронды	67

Ватрадзе Паолович Берозде

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КAVКАЗЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Редактор И. М. Гальцева
Технический редактор С. Х. Гутиева
Корректор Т. А. Бекоева

Сдано в набор 8-VI-1978 г. Подписано к печати 4-X-1978 г. Формат бумаги 60x90^{1/16}. Печ. л. 5. Усл.-п. л. 5. Учетно-изд. листов 5,25. Тираж 700 экз. Заказ № 10150. Цена 75 коп. Бум. тип. № 3. ЕИ 01569.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 46.

Книжная типография Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Совета Министров СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

Цена 75 руб.